АКАДЕМИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
ПРИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ИНСТИТУТ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

КУАНДЫК САБЫРЖАН УТЕПБЕРГЕНУЛЫ

Уголовно-правовые аспекты ответственности за убийство совершенное при превышении пределов необходимой обороны

Проект на соискание степени магистра национальной безопасности и военного дела по образовательной программе 7М12301 - «Правоохранительная деятельность» (профильное направление)

Научный руководитель:
доцент кафедры
СЮД
Алибекова А.М.,
кандидат юридических наук
_____

г. Косшы, 2026 г.

ТҮЙІНДЕМЕ

Магистрлік жоба Қазақстан Республикасында қажетті қорғаныс шегінен шығу кезінде жасалған адам өлтіру үшін жауаптылық мәселелеріне арналған. Зерттеу барысында ҚР ҚК-нің 102-бабы, сот тәжірибесі және құқық қолдану мәселелері талданды. Қажетті қорғаныс шектерін бағалау мен іс-әрекетті саралаудың өзекті проблемалары қарастырылып, заңнаманы жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірленді.

РЕЗЮМЕ

Магистерский проект посвящён вопросам ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны в Республике Казахстан. Проведён анализ ст. 102 УК РК, судебной практики и проблем квалификации данной категории дел. Рассмотрены актуальные вопросы применения института необходимой обороны и разработаны предложения по совершенствованию законодательства.

SUMMARY

The master’s project is devoted to liability for murder committed in excess of the limits of necessary defense in the Republic of Kazakhstan. Article 102 of the Criminal Code, judicial practice, and qualification issues were analyzed. Current problems of applying the institution of necessary defense were examined, and proposals for improving legislation were developed.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ 4

ВВЕДЕНИЕ 5

1. ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

1.1 Понятие убийства при превышении пределов необходимой обороны.....12

1.2 Ретроспективный анализ ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны.....18

2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБИЙСТВА ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

2.1 Объективная признаки состава убийства при превышении пределов необходимой обороны 26

2.2 Субъективные признаки состава убийства при превышении пределов необходимой обороны 34

2.3 Разграничение убийства при превышении пределов необходимой обороны со смежными составами уголовных правонарушений.....49

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 60

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 65

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....73

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....83

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

ст. - статья
УК РК - Уголовный кодекс Республики Казахстан
т.д. - и так далее
т.е. - то есть
г. - год
абз. – абзац
с. – страница
№ - номер
др. - другие / другое
УК РФ - Уголовный кодекс Российской Федерации
КоАП РК - Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях
РК - Республика Казахстан
РФ - Российская Федерация
ВС РК - Верховный Суд Республики Казахстан
НП ВС РК - Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан
ППВС РФ - Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации
ОВД - органы внутренних дел
Закон об ОВД - Закон Республики Казахстан «Об органах внутренних дел Республики Казахстан»
Закон о правоохранительной службе - Закон Республики Казахстан «О правоохранительной службе»
КПСиСУ Генпрокуратуры РК — Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Оценка состава убийства при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102 УК РК) непосредственно связана с оценкой самого института необходимой обороны, его верной трактовкой, надлежащим использованием данного конституционного права граждан РК. Необходимая оборона остается одним из самых неоднозначных институтов уголовного права, в котором наблюдаются наибольшие противоречия между нормативными конструкциями и непосредственным правоприменением. При этом не вызывает сомнения, что институт необходимой обороны является значимым ресурсом противодействия насильственной преступности в стране. Соответственно, если обороняющийся ставится в ситуацию, когда его оборона от посягательства оценивается в чрезмерно критическом ключе, возникают риски, что граждане будут ограничены в надлежащей реализации данного своего права.

В каждом случае квалификации деяния как убийства при превышении пределов необходимой обороны необходимо учитывать целый ряд обстоятельств, недооценка которых существенно снижает превентивный потенциал ресурса, заключенного в институте необходимой обороны. Во-первых, следует всегда ставить акцент на том, что лицо, столкнувшееся с ситуаций, в которой у него возникает право на необходимую оборону, не имеет волевого стремления к нарушению уголовно-правовых запретов (даже если защита оказалась чрезмерной), в отличие от посягающего лица. Важно брать за основу, что в отличие от всех иных ситуаций, когда можно вести речь о том, что человек имеет возможность воздержаться (не нарушать) те или иные уголовно-правовые запреты, в ситуации с необходимой обороной имеет место вынужденное вовлечение в соответствующие обстоятельства. И фактически данное лицо должно соразмерять свое поведение с требованиями уголовного закона в ситуации, которая непосредственно данным лицом создана не была. Во-вторых, необходимая оборона фактически представляет собой вынужденное насилие, то есть своего рода «насилие без насильственной мотивации». То есть в данном случае источником насилия выступает не обороняющийся, а тот, кто осуществляет посягательство. Насилие является вынужденным, поскольку нередко, не причинив существенного вреда нападающему обороняющийся может сам пострадать серьезным образом и даже лишится жизни.

В-третьих, вполне очевидно, что лицо, даже превысившее пределы необходимой обороны вплоть до лишения жизни нападавшего, имеет минимальные риски последующей криминализации, то совершения тех или иных уголовно наказуемых деяний в будущем, так как его мотивация по причинению насилия является вторичной, вынужденной, фактически он несет ответственность за то, что совершил акт самообороны в чрезмерно

интенсивной форме. В-четвертых, чрезмерная «придирчивость» органов досудебного расследования и судов при оценке правомерности необходимой обороны не согласуется с принципом «нулевой терпимости», который до настоящего времени сохраняет свою актуальность и фактически последовательно проводится также и в новых программных документах, к которым можно отнести Концепцию по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025-2030 годы. В частности, в данном документе отмечается, что «продвижение идеологии закона не должно сводиться к призывам слепо подчиняться любым нормативным актам. Важно, чтобы сами законы и их реализация отвечали принципам справедливости и защиты прав граждан» [1]. Кроме того, в данном документе обращается внимание на необходимость создания безопасной среды, однако в данном случае акцент осуществлен на средства видеонаблюдения, мобильные приложения и др. подобные решения. Вместе с тем, ситуация с необходимой обороной возникает спонтанно, развивается стремительно, что практически исключает возможность прибегнуть к чьей-либо помощи, в том числе, и к помощи правоохранительных органов. Совершенно справедливо указал авторитетный казахстанский исследователь И.Ш. Борчашвили в ходе разработки УК РК 2014 года, что при наличии некоторых проявлений либерализации законодательства по вопросам необходимой обороны данный институт все-таки до настоящего времени не получил необходимого законодательного закрепления и устоявшейся благополучной практики применения.

В-пятых, следует учитывать, что режим законности и правопорядка в стране не может оцениваться в отрыве от совокупности субъективной оценки со стороны граждан государства. Следует в данном случае отметить, что общественность, как правило, не воспринимает юридическую подоплеку осуждения по факту превышения необходимой обороны. Напротив, преимущественно имеет место острая, эмоциональная оценка осуждения лица по факту превышения необходимой обороны как явного отсутствия социальной справедливости. В итоге подавляющее большинство лиц, участвовавших в различных социологических исследованиях по вопросу об использовании права на необходимую оборону, указывают на страх относительно последствий реализации данного права.

Исследователи до сих пор продолжают искать различные варианты преодоления сложившихся опасений со стороны граждан. В данном случае следует учитывать нежелательные риски того, что граждане вообще будут предпочитать пассивную позицию, нежели активно реализовывать свое право на необходимую оборону. При этом важно помнить, что право на необходимую оборону возникает не только в отношении самого лица и его прав, но и в отношении прав других (третьих) лиц. И если в отношении собственной безопасности лицо будет вынуждено вступать в состояние

обороны, то применительно к третьим лицам риски пассивного поведения, воздержания от вмешательства крайне высоки. В науке можно встретить различные теоретические мнения относительно изменения позиции правоприменителя в отношении ситуаций необходимой обороны. В частности, исследователи обосновывают, что если обороняющийся использовал для самообороны оружие, то привлечение его к уголовной ответственности за незаконное хранение оружия не отвечает духу уголовного закона, встречаются также и мнения о практике поощрения граждан за акты необходимой обороны.

В вопросах оценки состава убийства при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102 УК РК) имеет место ряд значимых обстоятельств, которые заслуживают внимания и самостоятельного научного исследования. Во-первых, в рамках данного состава преступления количественные показатели регистрации играют не решающую роль, поскольку вопрос преимущественно концентрируется в правильности квалификации каждого отдельного случая. Удельный вес преступлений, регистрируемых по ст. 102 УК РФ, не превышает 1,5 % в общей массе убийств в средневзвешенных значениях в 2020-2025 гг. (по данным КПСиСУ Генпрокуратуры РК). При этом нередко при рассмотрении конкретного случая сам факт необходимой обороны необоснованно не признается, по причине чего лицо осуждается не по ст. 102 УК РК, а по ст. 99 УК РК, что предполагает существенно более строгий вид наказания, не соответствующий общественной опасности деяния. Возникает также вопрос относительно точности терминологии в рамках определения признаков состава преступления в ст. 102 УК РК. В частности, заслуживает внимания сопоставление понятий «убийство», «причинение смерти», «лишение жизни» применительно к ситуации необходимой обороны. Сопоставление содержания умысла лица, причиняющего смерть в состоянии необходимой обороны, приводит к мысли, что оно не в полной мере соответствует законодательным формулировкам прямого и косвенного умысла в УК РК. Это дополнительно ставит вопрос о том, что термин «убийство» применительно к составу ст. 102 УК РК вызывает некоторые вопросы. В науке данный вопрос поднимается слабо, однако он точно заслуживает внимания, поскольку термин в данном случае выполняет существенную смысловую нагрузку. Кроме того, анализ статистических данных КПСиСУ Генпрокуратуры РК за 2020-2025 гг. свидетельствует о том, что в структуре лиц, причиняющих тяжкий вред здоровью и смерть в состоянии необходимой обороны, доля женщин существенно превышает общие параметры женской преступности в стране (более 1/3 всех случаев совершения соответствующих деяний) при том, что 100% потерпевших по таким делам – это лица мужского пола. Это является поводом к тому, чтобы связать факты совершения убийства при превышении пределов необходимой

обороны женщинами с ситуацией семейно-бытового насилия. Вместе с тем, специфика вопросов необходимой обороны в сфере семейных отношений до настоящего времени исследована явно недостаточно. Указанные аспекты и ряд других обстоятельств, непосредственно связанных с квалификацией деяния по ст. 102 УК РК, указывают на актуальность темы исследования.
Современное состояние решаемой научной проблемы. Вопросы теоретической оценки убийств, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, преимущественно получали оценку в рамках общего исследования института необходимой обороны и других обстоятельств, исключающих преступность деяния. К числу авторов, посвятивших свои работы изучению вопросов ответственности за превышение пределов необходимой обороны, следует отнести: Акимочкина В. И., Бабичева А. Г., Баранову Е. А., Боева Д. В., Борчашвили И. Ш., Винник С. В., Гордейчик С., Дмитренко А. П., Егорову Н., Егорова А. Г., Ильяшенко А. Н., Имажанова Д. Б., Климанова А. М., Лихачеву О. В., Лопашенко Н. А., Лукки Е. В., Малкина В. Р., Мартыненко Н. Э., Меркурьева В. В., Никуленко А. В., Никулина С. И., Попова А. Н., Сарницкиго С. Н., Сидорова Б. В., Смирнова М. А., Сулейманову С. Т., Третьякова А. С., Турецкого Н. Н., Шаяхметова Ш. Ш., Щепелькова В. Ф. и многих других. Вместе с тем вопросы ответственности за случаи превышения пределов необходимой обороны остаются одними из самых проблемных в теории уголовного права, в связи с чем обширность теоретического блока состоявшихся исследований не лишает актуальности новые постановки вопроса.
Цель диссертационного исследования заключается в комплексном социально-правовом анализе нормы об убийстве при превышении пределов необходимой обороны, систематизации наиболее спорных в теоретическом и практическом аспектах вопросов ответственности при причинении смерти в ситуации необходимой обороны, оценке параметров правомерности обороны, в том числе, их нормативной определенности в ст. 32 УК РК и Нормативном постановлении Верховного суда от 11 мая 2007 года № 2.
Достижение указанной цели стало возможным посредством решения следующих научно-исследовательских задач:
- формально-юридической оценки понятия «превышение пределов необходимой обороны» в рамках современного состояния уголовного законодательства РК;
- комплексного анализа наиболее сложных квалификационных аспектов при определении условий правомерности необходимой обороны в контексте ст. 102 УК РК;
- исследования специфики права на необходимую оборону сотрудников правоохранительных органов;

- анализ достаточности действующих нормативных конструкций для справедливой оценки состояния необходимой обороны в обстановке семейно-бытового насилия.

Объект исследования составили общественные отношения, возникающие в ходе установление и изменения уголовно-правовой нормы, регламентирующей право на необходимую оборону, а также в связи с совершением деяний по признакам убийства при превышении пределов необходимой обороны.

Предмет исследования представлен системой теоретических знаний, разработанных наукой уголовного права в вопросах установления нормативных оснований права на необходимую оборону, нормы казахстанского и зарубежного законодательства в вопросах определения условий правомерности необходимой обороны и ответственности за убийство при превышении ее пределов, статистические данные КПСиСУ Генпрокуратуры РК, данные судебной практики по делам об убийствах при превышении пределов необходимой обороны и смежным составам уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека.

Методы и методологическая основа исследования. Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания. В работе использованы диалектический метод, позволивший рассмотреть институт необходимой обороны в его развитии и внутренней противоречивости; системно-структурный метод, примененный при анализе взаимосвязи ст. 32 и 102 УК РК; формально-юридический метод, использованный для толкования уголовно-правовых норм и нормативных разъяснений Верховного Суда РК; сравнительно-правовой метод, позволивший сопоставить положения казахстанского законодательства с зарубежными подходами к оценке необходимой обороны и ее превышения; логико-юридический метод, использованный при выявлении дефектов законодательной техники и формулировании предложений по совершенствованию закона; статистический метод, примененный при анализе количественных показателей зарегистрированных уголовных правонарушений и структуры субъектов соответствующих деяний; а также метод изучения судебной практики, позволивший выявить типичные квалификационные ошибки и противоречия правоприменения.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем ст. 102 УК РК впервые последовательно рассматривается не как изолированный привилегированный состав преступления против жизни, а как производная уголовно-правовая конструкция, содержание которой может быть правильно установлено только в системной связи со ст. 32 УК РК и нормативным толкованием института необходимой обороны. В работе обосновано, что ключевая проблема квалификации по ст. 102 УК РК состоит не столько в

самом факте причинения смерти посягающему, сколько в выявлении момента перехода от правомерной обороны к ее эксцессу, причем решающее значение имеет не ретроспективная оценка наступившего результата, а исследование характера посягательства, реальности и непосредственности угрозы, субъективного восприятия опасности обороняющимся, а также временных границ состояния необходимой обороны. Самостоятельным элементом новизны является вывод о том, что термин «убийство» применительно к ст. 102 УК РК не в полной мере отражает специфику содеянного, поскольку причинение смерти в данной ситуации обусловлено защитительной, а не исходно-насильственной мотивацией, в связи с чем предлагается изменить наименование статьи на «Умышленное причинение смерти при превышении пределов необходимой обороны».

Научная новизна работы проявляется также в полученных выводах прикладного характера. В исследовании аргументирована необходимость совершенствования как законодательной конструкции ст. 32 УК РК, так и Нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 мая 2007 года № 2: предложено восстановить более широкую формулу, допускающую оборону при посягательстве, сопряженном с применением не только оружия, но и иных предметов и средств, представляющих угрозу жизни или здоровью; обоснована потребность в специальных разъяснениях о допустимости необходимой обороны в случаях спровоцированного посягательства при последующем возникновении реальной угрозы жизни и здоровью провокатора, а также в ситуациях длящихся и продолжаемых посягательств. Отдельным результатом исследования является вывод о необходимости уравнивания сотрудников правоохранительных органов в праве на необходимую оборону с иными лицами, а также предложение учитывать особенности семейно-бытового насилия при оценке страха, испуга и замешательства как состояний, исключающих признание превышения пределов необходимой обороны. Тем самым работа развивает не только общую теорию необходимой обороны, но и формирует конкретные направления совершенствования уголовного закона и судебного толкования применительно к ситуациям причинения смерти посягающему.

Положения, выносимые на защиту:

1. Принимая во внимание специфику формирования умысла обороняющегося лица в рамках ст. 102 УК РК, при которой причинение смерти является вынужденным средством прекращения общественно опасного посягательства, наименование ст. 102 УК РК следует изменить на «Умышленное причинение смерти при превышении пределов необходимой обороны»
2. С учетом того, что указание на сопряженность посягательства с вооруженным нападением, используемое в ч. 3 ст. 32 УК РК существенным

образом уменьшает диапазон права на причинение смерти в состоянии необходимой обороны, следует реконструировать прежнюю формулировку, использовавшуюся до принятия УК РК 2014 года - «с применением или попыткой применения оружия либо иных предметов или средств, использование которых представляет угрозу жизни или здоровью обороняющегося или других лиц»

3. Для более тщательной детализации критериев правомерности необходимой обороны, повышения степени справедливой оценки действий обороняющегося лица в тексте Нормативного постановления Верховного Суда РК от 11 мая 2007 года № 2 следует отразить следующие обстоятельства: 1) «в случаях обороны от посягательства, спровоцированного самим обороняющимся лицом, при наличии реальной угрозы причинения тяжкого вреда жизни и здоровью данное лицо признается действующим в состоянии необходимой обороны на общих основаниях. В случае превышения пределов необходимой обороны факт провокации должен оцениваться в качестве обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность и наказание»; 2) «состояние необходимой обороны в уголовных правонарушениях, имеющих продолжаемый характер, возникает применительно к отдельным эпизодам данного уголовного правонарушения, в рамках которых состояние опасности для лица становится реальным».

4. В целях уравнивания сотрудников правоохранительных органов в праве на необходимую оборону с другими лицами Нормативное постановление ВС РК от 11 мая 2007 г. № 2 следует дополнить следующим положением: «Применение сотрудником правоохранительного или иного специального государственного органа оружия, специальных средств, специальной техники или физической силы с нарушением оснований и порядка их применения не может само по себе расцениваться как признак превышения пределов необходимой обороны, если соблюдены иные условия ее правомерности, указанные в ст. 32 УК РК».

5. Для повышения объективности оценки субъективных передживаний, формирующихся у обороняющегося в момент отражения общественно опасного посягательства, в том числе, для повышения гарантий надлежащей квалификации причинения смерти и тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны в обстановке семейно-бытового насилия, ч. 3 ст. 32 УК РК должна быть дополнена новым абзацем следующего содержания: «Не является превышением необходимой обороны причинение вреда посягающему вследствие страха, испуга, замешательства» с одновременным исключением ст. 66 УК РК.

1 Правовая регламентация ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны

1.1 Понятие убийства при превышении пределов необходимой обороны. Квалификационные пределы относительно признания (непризнания) конкретного акта лишения жизни другого человека (нападавшего) со стороны обороняющегося всегда будут находиться в прямой зависимости от того, каким образом законодатель определяет сами параметры правомерности необходимой обороны и, особенно, критерии признания превышения ее пределов. В данном случае не будет преувеличение сказать, что одним из решающих дефектов правоприменительной практики, сопряженных со спорным осуждением за превышение пределов необходимой обороны, является неверная расстановка презумпций: вместо презумпции относительно факта соразмерности и, значит, правомерности необходимой обороны в случаях причинения смерти нападавшему тотально преобладает презумпция превышения допустимых пределов данной обороны.

И эта презумпция существенным образом трансформирует весь процесс доказывания по обстоятельствам дела, поскольку правоприменитель ориентирован на поиск подтверждения факта превышения пределов необходимой обороны вместо того, чтобы в качестве отправной точки использовать презумпцию о том, что обороняющийся действовал в рамках допустимых пределов. Этот вопрос постоянно воспроизводится в уголовно-правовой теории в сочетании с попытками выработать более или менее благополучные подходы к тому, чтобы провозглашенное право на самооборону не подвергалось чрезмерной секвестрации (что фактически и имеет место в значительном случае реального правоприменения). Основная причина в данном случае понятна – общественно опасное последствие в виде смерти нападавшего неизбежно приводит к тому, что действует именно презумпция о превышении пределов необходимой обороны. Во многом это связано со спецификой процесса регистрации уголовных правонарушений, когда на момент обнаружения факта причинения смерти соответствующее последствие в обязательном порядке подлежит официальной фиксации, после чего процесс отказа от последующего уголовного преследования представляется гораздо более затруднительным (в данном случае, в целом, обоснованный отказ от стадии возбуждения уголовного дела в РК, в контексте ст. 102 УК РК может сыграть фатальную роль необоснованного привлечения к уголовной ответственности и осуждения).

В контексте правоприменения по ст. 102 УК РК (а, в целом, также и по ст. 112 УК РК) складывается до настоящего времени непреодоленный социальный парадокс. Заключается он в том, что право на самооборону, начиная со ст. 13 Конституции РК, достаточно детально и в диспозитивном ключе закрепляется в нормах казахстанского законодательства (отдельные спорные

вопросы законодательных трансформаций будут отражены далее). Что касается уголовно-правовой доктрины, то она также стабильно развивается в контексте обоснования максимальной и всемерной защиты прав граждан на необходимую оборону, равно как и в теории практически невозможно встретить обоснования той или иной степени ограничительного контекста оценки данного обстоятельства. То есть фактически весь проблемный аспект концентрируется именно в области правоприменения, причем, и здесь нет снований для утверждения, что отдельно взятый правоприменитель – должностное лицо органа досудебного расследования или судья – сознательно придерживается кардинальной позиции относительно признания в каждом случае причинения смерти нападающему признаков ст. 102 УК РФ. Очевидно, что речь идет о сформировавшейся неверным образом общей правоприменительной практике, в рамках которой каждый отдельно взятый правоприменитель сдерживается риском «ошибки правоприменения» даже в случаях, когда по его личному убеждению причинение смерти нападавшему не было связано с превышением пределов необходимой обороны и состав ст. 102 УК РК отсутствует.

Именно данный аспект нередко приводит к социальному и доктринальному пессимизму, а вопросы необходимой обороны продолжают исследоваться в гораздо более ограниченном объеме исследований, нежели это имело место ранее. Всегда гораздо проще преодолеть несовершенство законодательных конструкций, дефекты той или иной теоретической трактовки, нежели устоявшуюся социальную практику (в данном случае – практику правоприменения). Вместе с тем, ряд исследователей продолжают свои попытки привлечь внимание общественности и законодателя к проблеме «сдержанности» законодателя и неблагополучной практики в оценке состояния необходимой обороны, усматривая в дефектах механизма обеспечения данного права существенные риски для защиты прав и законных интересов граждан государства. При этом, очевидно, оценивая масштабы негативных последствий для граждан, которые возникают в результате необоснованных осуждений за превышение пределов необходимой обороны отдельные исследователи уже в 90-х годах прошлого столетия высказывали мнение о необходимости проявления своего рода «политической воли» и включения в социальную практику инструментов поощрения граждан, воспользовавшихся своим правом на необходимую оборону [2, с. 20]

Подобные позиции могут выглядеть как чрезмерно радикальные, однако нет оснований утверждать, что соответствующая почва страха осуждения при использовании права на самооборону не имеет своего негативного парализующего воздействия на любого человека (особенно это касается защиты интересов третьих лиц, которая является законной в контексте содержания ст. 32 УК РК, но становится весьма проблематичной с позиции

принятия личного решения конкретным человеком именно по причине страха понести наказание). На данный фактор страха репрессивных мер по факту мер реализации права на необходимую оборону указывают многие исследователи по результатам осуществленных социологических опросов [3, с. 15]. Исследователь вопросов необходимой обороны В.В. Меркурьев еще в конце 90-х гг. XX века настаивал на «…необоснованности возложения уголовным законом на защищающихся обязанности выбора вариантов защиты в экстремальной криминальной ситуации, созданной по вине посягающего» [4, с. 11]. Продолжая исследование, в своей докторской диссертации В.В. Меркурьев высказал мысль, что лишение жизни в ходе акта необходимой обороны может приводить к вопросу о превышении пределов данной обороны только в ситуации заведомого лишения жизни нападающего [5, с. 16], то есть, когда имел место не альтернативный исход, а явно умышленное причинение смерти.

В целом, следует отметить, что законодательство РК в вопросах обеспечения права на необходимую оборону также не может быть признано безупречным, несмотря на видимые элементы повышения диспозитивного начала в отношении прав обороняющегося. Первоначальная редакция ст. 32 в УК РК 1997 года имела формулировку, согласно которой превышением пределов необходимой обороны признавалось «…явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства, в результате чего посягающему причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность лишь в случаях умышленного причинения вреда» [6]. В последующем, очевидно, учитывая, что категория «явности» (даже продублированная в тексте легального определения) не является более или менее четким ориентиром по причине выраженного оценочного характера, в декабре 2002 года ст. 32 УК 1997 года была дополнена формулировкой: «Не является превышением пределов необходимой обороны причинение вреда лицу, посягающему на жизнь человека, либо при отражении иного посягательства, соединенного с применением или попыткой применения оружия» [7].

Одним из самых «прорывных» решений казахстанского законодателя стало включение в ноябре 2011 года заметно более расширенного перечня оснований, по которым факт превышения пределов необходимой обороны должен исключаться. Так, было зафиксировано правило, что превышение пределов необходимой обороны должно исключаться в случаях, когда посягательство нападающего было сопряжено «с применением или попыткой применения оружия либо иных предметов или средств, использование которых представляет угрозу жизни или здоровью обороняющегося или других лиц; с насилием, опасным для жизни или здоровья обороняющегося

или других лиц, либо с непосредственной угрозой такого насилия; с противоправным насильственным вторжением в жилище или иное помещение» [8].

Таким образом, к моменту утраты юридической силы УК РК 1997 года в связи с принятием УК РК 2014 года можно констатировать достаточно благополучное состояние фиксации параметров превышения пределов необходимой обороны в рамках ст. 32 УК РК, что получало положительную оценку и со стороны зарубежных исследователей [9] Законодатель на протяжении всего периода функционирования данной нормы приходил к выводу о необходимости конкретизации признака «явности» превышения соответствующих пределов за счет двухкратного усиления своеобразного негативного (отрицательного) признака, постоянно расширяя фактический состав правомерности необходимой обороны через смысловую конструкцию «не является». Казалось бы, при сохранении соответствующего отношения к конституционному праву на необходимую оборону, законодатель должен максимально сохранить случившиеся нормативные достижения и идти в сторону дальнейшего повышения уровня защищенности права обороняющихся лиц. И, в целом, изначально такая тенденция явно прослеживалась. В частности, ст. 32 УК РК редакции 2014 года изначально была сформулирована следующим образом: «Необходимой обороной признается правомерная защита личности и прав обороняющегося и других лиц, а также охраняемых законом интересов общества и государства от общественно опасного посягательства, в том числе путем причинения вреда посягающему лицу» [10] В результате было достигнуто некоторое расширение самого института необходимой обороны за счет отказа от детализации той совокупности прав и законных интересов, в рамках защиты которых может возникнуть соответствующее право на самооборону.

Однако в первоначальной редакции ст. 32 УК РК 2014 г. изначально случились отдельные изменения, которые следует оценить неоднозначно. С одной стороны, вполне обоснованно была включена категория «внезапности» нападения, по причине которой обороняющийся оказался лишенным возможности объективной оценки степени его общественной опасности. Данное обстоятельство заслуживает полностью положительной оценки, поскольку оно добавляет норме о превышении пределов необходимой обороне явно недостающих динамичных критериев оценки (т.е. когда предполагается не простая фактография обстоятельств, сопоставление количественных и иных параметров характеристик, но и требуется тщательная оценка эмоционального состояния обороняющегося). При этом уже на стадии принятия УК РК 2014 года в редакции ст. 32 УК РК формулировка «с применением или попыткой применения оружия либо иных предметов или средств, использование которых представляет угрозу жизни

или здоровью обороняющегося или других лиц» была заменена на словосочетание «сопряженного с вооруженным нападением» [10]. В данном случае заметен явно ограничительный аспект в контексте оценки пределов превышения необходимой обороны, поскольку процитированным изменением фактически исключили из всего объема ситуаций случаи посягательств в обстановке семейно-бытового насилия, которые чаще всего совершаются посредством бытовых предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия (кухонные ножи, топоры, вилы, ломы и т.д.). При этом авторы, исследовавшие ситуацию необходимой обороны именно в обстановке семейно-бытового насилия, отмечают, что «в ситуациях с семейным насилием часто у обороняющегося в силу физического превосходства посягающего лица есть единственный гарантированный способ пресечь посягательство, связанный с высокой вероятностью причинения смерти» [11, с. 56].

Несмотря на то, что в июле 2022 г. позиции обороняющихся лиц также были усилены за счет указания на сопряженность посягательства с поджогом жилого помещения [12], ранее указанное изъятие из редакции ст. 32 УК РК все-таки не может не оставлять вопросов. При этом формулировка относительно сопряженности нападения с «насилием, опасным для жизни обороняющегося или других лиц, либо с непосредственной угрозой такого насилия» [10] не компенсирует соответствующего изъятия, поскольку, во-первых, данная формулировка имела место и в редакции ст. 32 УК РК 1997 года, действовавшей на момент принятия УК РК 2014 г.; во-вторых, источником соответствующей угрозы для обороняющегося могут быть не только те или иные предметы, используемые нападающим, но и иные факторы (в частности, количество нападающих лиц даже в ситуациях, когда ими не используются те или иные объекты материального мира в качестве средства нападения). Очевидно, именно подобные неоднозначные решения законодателя имел в виду последовательный сторонник усиления прав обороняющихся лиц в РК профессор И.Ш. Борчашвили, когда в период обсуждения проекта УК РК 2014 г. отметил, что законодательная конструкция является удовлетворительной, но все-таки не в полной мере гарантирующей данные права [13].

В данном случае возникает закономерный вопрос относительно того, есть ли вообще более или менее благополучные перспективы относительно максимально верного и обоснованного закрепления параметров превышения пределов необходимой обороны, в том числе и за счет негативного признака (через использование текстуальной конструкции «не является»)? Очевидно, что решение данного вопроса будет иметь заметную позитивную перспективу только в том случае, когда все нормативные конструкции будут прямо предполагать акцент на оценку не столько объективных обстоятельств

необходимой обороны, сколько субъективного восприятия данных обстоятельств со стороны обороняющегося. Оценка факта уголовного правонарушения всегда осуществляется в режиме ретроспективной реконструкции события, по причине чего нет возможности к тому, чтобы вся картина преступления была воспринята правоприменителем именно в том виде, в котором она реально имела место. Причем, в данном случае следует отметить, что даже наличие видеосъемки события не станет существенным подспорьем, поскольку с его помощью можно дать более точную оценку объективным обстоятельствам, но субъективные переживания обороняющегося лица также не будут восприняты в достаточном объеме. Кроме того, ситуация необходимой обороны всегда связана с эмоциональным напряжением, стрессом, замешательством и иными подобными переживаниями, по причине которых обороняющийся, как правило, лишен возможности оценить акт обороны как в момент его осуществления, так и в последующем периоде.

В частности, обращает на себя внимание редакция второго и третьего абзаца п. 6 Нормативного постановления Верховного Суда РК № 2 от 11 мая 2007 г., согласно которому: «Если лицо, совершившее провокацию, реально не причинило вреда, то оснований расценивать ответные действия спровоцированного человека как совершенные в состоянии необходимой обороны не имеется. Такие действия влекут ответственность на общих основаниях. Также не могут рассматриваться как необходимая оборона действия лица, направленные на противодействие тому, кто сам находился в состоянии необходимой обороны или действует правомерно в иных случаях (например, при задержании преступника)» [14]. В данном случае имеет место явный «перекос» в сторону объективизации оценки состояния необходимой обороны, когда обороняющийся фактически лишается права на добросовестное заблуждение относительно сложившейся ситуации. Вместе с тем, учитывая скоротечность событий, когда требуется дать оценку внешним обстоятельствам, едва ли есть основания для утверждения, что провокация со стороны другого лица всегда является очевидной, равно как и далеко не всегда очевидно понимание того, что кто-либо уже действует в состоянии необходимой обороны.

Так, в частности, если визуально наблюдается физическое противоборство мужчины и женщины, то факт пребывания женщины в состоянии необходимой обороны окажется гораздо более очевидным (хотя и не безусловным), нежели в случаях, когда физическое противостояние имеет место между двумя лицами мужского пола. При этом обращает на себя внимание последующая формулировка в п. 7 процитированного нормативного постановления ВС РК: «При мнимой обороне общественно опасное посягательство фактически в реальности отсутствует, но обстановка

происшествия дает основание обороняющемуся считать, что оно совершается и он в связи с этим ошибочно полагает, что действует против такого посягательства» [14] Однако не вполне понятно, почему в рамках ложно понятой провокации или неоднозначно оцененного состояния необходимой обороны третьего лица отсутствует возможность оценки также по признаку мнимой обороны.

Таким образом, решение вопроса о квалификации по ст. 102 УК РК напрямую зависит от того, каким образом будет разрешаться на законодательном уровне и подлежать оценке в правоприменительной практике сама категория «превышение пределов необходимой обороны». Судя по всему, единственным вариантом достижения необходимого баланса в области защиты права обороняющегося лица является дальнейший отказ от превалирования объективных оценок над субъективными. Как справедливо отметил в своем диссертационном исследовании Ж.Б. Жолжаксынов, «…институт необходимой обороны является действенным средством противодействия насильственной преступности, как в плане санкционированного государством противостояния преступнику, так и в плане субъективного ощущения защищенности граждан, в отношении которых могут быть применены акты насилия» [15, с. 153]. Действительно, предупреждение насильственной преступности без того, чтобы обеспечить самим гражданам полное право на самооборону от общественно опасных посягательств, едва ли способно достичь своей цели, особенно когда речь идет о защите прав третьих лиц, подвергшихся посягательству, когда любой «здравомыслящий» человек, скорее всего, предпочтет позицию невмешательства из-за страха претерпеть негативные последствия в виде привлечения к уголовной ответственности.

1.2 Ретроспективный анализ ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны

Развитие общественных отношений и многовековой опыт их уголовно-правового регулирования показывают, что случаи, при которых причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам не признается преступным либо оценивается мягче по сравнению с обычным преступлением, постепенно приобретали все более сложный и дифференцированный характер. В этом ряду особое место занимает необходимая оборона, поскольку именно с ней исторически связано не только признание права лица на самозащиту, но и формирование особой уголовно-правовой оценки случаев причинения смерти при выходе за допустимые пределы защиты. Иными словами, история данного института представляет интерес не только в плоскости обстоятельств, исключающих преступность деяния, но и в аспекте постепенного становления самостоятельного привилегированного

состава убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны.

В современном уголовном законодательстве РК данная связь выражена достаточно четко. С одной стороны, необходимая оборона закреплена в ст. 32 УК РК как обстоятельство, исключающее преступность деяния. С другой стороны, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, предусмотрено ст. 102 УК РК как самостоятельный состав уголовного правонарушения против жизни. Тем самым законодатель исходит из двойственной природы соответствующего деяния: лицо первоначально действует в ситуации защиты от общественно опасного посягательства, однако причиняет такой вред, который уголовный закон уже не признает допустимым.

Представляется, что историческое становление правовой конструкции убийства при превышении пределов необходимой обороны прежде всего связано с признанием самой допустимости защиты от противоправного посягательства. Первичность необходимой обороны вполне объяснима: защита от непосредственной опасности имеет естественно-правовую природу и воспринимается как одно из изначальных прав человека, существовавших задолго до законодательного закрепления. Уже в древнейших правовых памятниках - Законах Ману и Законах XII таблиц - содержались упоминания о допустимости защиты от нападения. Античная мысль также исходила из того, что право обороны вытекает из самой природы вещей, поскольку «силу отражать силой все законы и все права допускают» [16, с. 22]. Однако для рассматриваемой темы важно не только признание права на защиту, но и появление вопроса о том, в какой момент защита перестает быть правомерной и превращается в уголовно наказуемое причинение смерти.

Если ограничивать историко-правовой анализ источниками, непосредственно соотносимыми с казахской государственностью и традиционной правовой системой, то следует признать, что в обычном праве казахов не существовало специальных нормативных конструкций, прямо сопоставимых с современным составом убийства при превышении пределов необходимой обороны. Обычное право казахов было ориентировано на потребности кочевой жизни, сохранение рода, защиту человеческого ресурса, поддержание традиционного порядка, примирение сторон и восстановление нарушенного равновесия. Нормы «Жеты Жаргы» и иных источников обычного права касались прежде всего земельных, брачно-семейных, имущественных отношений, вопросов военного дела, ответственности за отдельные правонарушения и порядка разрешения споров. Как указывали исследователи, «в казахском обществе XV-XVII вв. еще не было разграничений между гражданским правом и уголовным. Понятие

преступления сливалось с понятием дурного поступка (жаман іс), греха (күнә)» [17, с. 20].

Отсутствие в обычном праве казахов формализованного состава убийства при превышении пределов необходимой обороны объясняется не тем, что само право на защиту не признавалось, а особенностями организации традиционного правосудия. Суд биев функционировал как авторитетный институт разрешения конфликтов, основанный на признании справедливости решения и общественном доверии к биям. Процедуры публичного уголовного преследования в современном смысле отсутствовали, а установление обстоятельств деяния во многом зависело от активности потерпевшей стороны и общинного восприятия справедливости [18, с. 334–341]. Поэтому ситуации самообороны могли рассматриваться индивидуально, через призму обычая, чести, достоинства, соразмерности причиненного вреда и обстоятельств конфликта, но не оформлялись в виде абстрактной уголовно-правовой нормы о превышении пределов защиты.

Такой вывод не исключает того, что в казахской степи существовало фактическое признание права человека на защиту себя, близких, имущества и территории. Напротив, в условиях кочевого образа жизни защита от внешнего нападения, посягательства на род, скот, честь и достоинство имела особое социальное значение. Однако для уголовно-правового анализа важно, что признание допустимости самообороны и специальная ответственность за убийство при превышении ее пределов представляют собой разные уровни правового развития. Первое может существовать в форме обычая и общественного одобрения; второе требует формализованного уголовного закона, разграничивающего правомерную защиту, превышение пределов обороны и обычное убийство.

В связи с этим дальнейшее становление рассматриваемого состава целесообразно анализировать через развитие тех правовых систем, которые оказали непосредственное влияние на формирование казахстанского уголовного законодательства: российского имперского, советского и национального казахстанского права. В ранних памятниках русского права право на оборону первоначально закреплялось главным образом применительно к конкретным жизненным ситуациям. В Русской Правде оно было ориентировано преимущественно на защиту имущественных интересов [19]. В Соборном Уложении 1649 года объект защиты был расширен: наряду с имуществом учитывалась и жизнь собственника [20]. Однако в этих источниках еще нельзя говорить о самостоятельном составе убийства при превышении пределов необходимой обороны. Скорее речь шла о первичных правилах допустимого причинения вреда в ситуации защиты.

Существенный шаг к будущей конструкции превышения пределов обороны был сделан в Воинском Артикуле 1715 года. Его значение состоит не только в

признании допустимости обороны, но и в постепенном нормативном обозначении ее пределов. В положениях Артикула уже просматривались признаки, которые впоследствии стали базовыми для оценки превышения пределов необходимой обороны: соответствие защиты характеру посягательства, своевременность оборонительных действий и их направленность на отражение опасности [21]. Особенно важно, что уже тогда законодатель начал отличать причинение вреда в ситуации защиты от обычного преступного насилия, предусматривая более мягкий подход к лицу, допустившему превышение пределов обороны. Именно здесь можно увидеть ранний прообраз будущей идеи, согласно которой убийство в условиях обороны, даже при чрезмерности защиты, не должно полностью отождествляться с обычным убийством.

При этом законодательство петровского периода еще не обладало необходимой системностью. Оно не содержало общего понятия обстоятельств, исключающих преступность деяния, а отдельные положения формулировались казуистически - применительно к конкретным видам преступлений либо отдельным ситуациям. Тем не менее именно казуистический характер этих норм имел значение для будущего состава убийства при превышении пределов обороны: законодатель постепенно накапливал различные варианты правовой оценки случаев, когда причинение смерти или вреда происходило в условиях конфликта, угрозы, нападения или вынужденной защиты.

Более последовательная попытка системного закрепления таких положений была предпринята в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [22]. В нем «необходимая личная оборона» получила сравнительно развернутую регламентацию. Законодатель называл как возможные последствия применения силы к нападающему (причинение ран, увечий или смерти), так и круг охраняемых благ - жизнь, здоровье, жилище, свободу обороняющегося, честь и целомудрие женщины. При этом оборона допускалась не только для защиты самого лица, но и для защиты других лиц, находящихся в аналогичном положении. Для анализа ретроспективы убийства при превышении пределов необходимой обороны это имеет принципиальное значение, так как уже в Уложении 1845 года причинение смерти нападающему рассматривалось не как единый недифференцированный случай убийства, а как возможный результат защитного поведения, требующий специальной оценки.

Вместе с тем Уложение 1845 года вводило существенные ограничения реализации права на защиту. Оборона признавалась допустимой лишь при невозможности прибегнуть к защите местного или ближайшего начальства. Кроме того, обороняющийся был обязан сообщить соседним жителям, а при первой возможности и ближайшему начальству обо всех обстоятельствах и

последствиях своей необходимой обороны. С современной точки зрения такие требования выглядят чрезмерно формализованными и плохо соответствующими внезапности нападения. Однако они показывают важную тенденцию: законодатель стремился не просто признать право на защиту, но и поставить его в определенные пределы. Именно наличие таких пределов в дальнейшем позволило обособить случаи их превышения.

Особый интерес представляет и то, что Уложение 1845 года дифференцировало последствия выхода за пределы правомерной обороны. Наряду с общим подходом, при котором наличие обстоятельства, исключающего преступность деяния, устраняло вменение содеянного в вину и наказуемость, превышение допустимых пределов обороны влекло более мягкие последствия по сравнению с обычным преступлением. В частности, при превышении пределов необходимой обороны могли применяться кратковременный арест, выговор в присутствии суда либо церковное покаяние, что следовало из статей 1938 и 1942 Уложения [22]. Этот момент имеет ключевое значение, поскольку свидетельствует о том, что законодатель уже фактически признавал привилегированную природу убийства или иного вреда, причиненного при чрезмерной защите, поскольку такое деяние не приравнивалось к обычному преступлению против жизни.

Уголовное Уложение 1903 года стало более совершенным в технико-юридическом отношении. В нем впервые было закреплено формальное определение преступления: «Преступным признается деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания» [23]. Для рассматриваемой темы это важно потому, что с появлением общего определения преступления стало возможным более последовательно отделять деяния, которые вообще не признаются преступными, от деяний, которые остаются преступными, но оцениваются мягче ввиду особых обстоятельств. В отделении четвертом Уложения были предусмотрены исполнение закона, исполнение приказа по службе, необходимая оборона, незаконное принуждение или угроза. При этом деяния, не «почитаемые преступными», отделялись от обстоятельств, устраняющих наказуемость.

Однако даже Уложение 1903 года еще не создало современной модели состава убийства при превышении пределов необходимой обороны. Его значение состоит скорее в развитии общей конструкции: необходимая оборона стала рассматриваться в системе общих положений уголовного закона, а не только как казуистическое исключение. Тем самым укреплялась нормативная основа для последующего разграничения трех ситуаций: правомерной защиты, превышения ее пределов и обычного убийства.

После октября 1917 года развитие института необходимой обороны оказалось менее последовательным. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года содержали лишь одно нормативное положение, относящееся к

необходимой обороне. Согласно ст. 15, наказание не применялось к лицу, совершившему насилие над личностью нападающего, если такое насилие являлось необходимым средством отражения нападения или защиты от насилия над собой либо другими лицами и не превышало мер необходимой обороны [24]. Для рассматриваемой темы эта формула показательна: уже здесь закреплялась связь между необходимостью защиты и пределами допустимого насилия. Если насилие превышало эти пределы, возникал вопрос об уголовной ответственности, в том числе за причинение смерти.

В первом УК РСФСР 1922 года законодатель попытался вернуть более развернутую регламентацию обстоятельств, исключающих преступность деяния [25]. Более юридически корректной стала конструкция необходимой обороны. Однако развитие специальной ответственности за убийство при превышении ее пределов оставалось неполным. Основные начала уголовного законодательства 1924 года объединили положения о необходимой обороне и крайней необходимости, одновременно расширив круг объектов защиты за счет указания на «советскую власть и революционный порядок». В этом проявлялась характерная для советского периода идеологизация института обороны: он стал рассматриваться не только как средство защиты личности, но и как инструмент охраны публичного порядка.

Уголовный кодекс редакции 1926 года не развил существенно положения о необходимой обороне и последствиях ее превышения [26]. Напротив, регулирование оставалось сдержанным и ограниченным. С точки зрения истории состава убийства при превышении пределов необходимой обороны это означало, что законодатель еще не выработал устойчивой и детализированной модели привилегированного состава. На уровне доктрины и практики сохранялась потребность в более четком отделении обычного убийства от убийства, совершенного в оборонительной ситуации.

Более значимый этап наступил с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года [27]. Именно в этом акте необходимая оборона получила устойчивое нормативное наименование. Хотя она еще не была выделена в самостоятельный структурный блок, сама фиксация необходимой обороны как общего института уголовного права способствовала дальнейшему развитию специальных составов, связанных с ее превышением. УК Казахской ССР 1959 года, принятый в развитие Основ 1958 года, не расширил систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, однако в нем особое значение получило закрепление в Особенной части конкретных последствий превышения пределов необходимой обороны.

Именно УК Казахской ССР 1959 года следует рассматривать как важный этап в становлении казахстанской модели уголовной ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны. В отличие от прежних

периодов, когда превышение пределов защиты в основном учитывалось как обстоятельство, смягчающее ответственность, советское кодифицированное законодательство стало формировать специальную уголовно-правовую оценку таких деяний. Причинение смерти при превышении обороны постепенно закреплялось как самостоятельный привилегированный состав, отличающийся от общего убийства. Его привилегированный характер объяснялся тем, что лицо действовало не из обычной преступной мотивации, а в условиях защиты от посягательства, хотя и допустило чрезмерность примененного насилия.

В период действия УК Казахской ССР 1959 года судебная практика также сыграла важную роль в уточнении границ необходимой обороны. Отдельные ситуации, прямо не урегулированные законом, фактически оценивались через правила необходимой обороны. Так, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, рассматривалось по правилам необходимой обороны [28]. Позднее правомерность действий граждан по пресечению преступных посягательств и задержанию преступника была дополнительно признана нормативно [29; 30]. Хотя эти положения прямо не касались убийства при превышении пределов необходимой обороны, они показывали общую тенденцию - уголовное право и судебная практика постепенно расширяли сферу допустимого причинения вреда в социально полезных ситуациях, одновременно сохраняя необходимость оценки пределов такого вреда.

После обретения Казахстаном независимости данная линия развития получила самостоятельное национальное оформление. УК РК 1997 года стал результатом обновления уголовного законодательства и одновременно воспринял как советский опыт, так и отдельные прогрессивные подходы зарубежного уголовного права. В части необходимой обороны и ответственности за ее превышение принципиальным было то, что законодатель сохранил специальную оценку убийства, совершенного в условиях чрезмерной защиты. Необходимая оборона закреплялась в Общей части как обстоятельство, исключающее преступность деяния, а убийство при превышении ее пределов - в Особенной части как самостоятельный привилегированный состав.

Такое построение имело важный уголовно-политический смысл. Законодатель фактически признавал, что причинение смерти при превышении пределов необходимой обороны не может быть поставлено в один ряд с простым убийством. Виновный действует в ситуации реального или предполагаемого противостояния общественно опасному посягательству, а потому его поведение имеет иную социальную природу. Вместе с тем превышение пределов защиты означает, что причиненный вред уже не может быть признан правомерным. Именно поэтому соответствующее деяние не

освобождается от уголовной ответственности, но наказывается мягче, чем обычное убийство.

Таким образом, историческое развитие норм о необходимой обороне позволяет увидеть постепенный переход от общего признания допустимости самозащиты к специальной уголовно-правовой конструкции убийства при превышении ее пределов. На ранних этапах право на защиту имело преимущественно казуистический или обычный характер, затем законодатель стал определять условия правомерности обороны, пределы допустимого причинения вреда и последствия выхода за эти пределы. В советский период причинение смерти при превышении пределов обороны постепенно закрепилось как самостоятельный привилегированный состав. В национальном уголовном законодательстве Республики Казахстан данная модель была сохранена и развита. В настоящее время ст. 102 УК РК выражает идею о том, что убийство при превышении пределов необходимой обороны является уголовно наказуемым, но по своей природе отличается от обычного убийства, поскольку возникает из ситуации защиты от общественно опасного посягательства.

Итоговое значение проанализированной эволюции состоит в том, что современная ст. 102 УК РК представляет собой результат длительного поиска баланса между двумя задачами уголовного права: с одной стороны, обеспечением реального права лица на защиту от посягательства, а с другой - недопущением чрезмерного насилия под видом обороны. Именно поэтому исторический анализ необходимой обороны должен завершаться не только выводом о древности и естественно-правовой природе права на защиту, но и выводом о постепенном формировании особого состава убийства при превышении пределов необходимой обороны. Этот состав занимает промежуточное положение между правомерной защитой и общим убийством, сохраняет связь с оборонительной ситуацией, но фиксирует уголовно наказуемый выход за ее пределы.

2 Уголовно-правовая характеристика убийства при превышении пределов необходимой обороны

2.1 Объективная признаки состава убийства при превышении пределов необходимой обороны

Лаконичная формулировка ст. 102 УК РК «Убийство при превышении пределов необходимой обороны» не означает, что квалификация данного деяния является простой. Напротив, объективная сторона этого состава относится к числу наиболее сложных для уголовно-правовой оценки, поскольку предполагает установление не только факта наступления смерти посягающего, но и всей оборонительной обстановки: наличия общественно опасного посягательства, момента его начала и окончания, характера и интенсивности нападения, соотношения посягательства и защиты, явности превышения пределов обороны, а также причинной связи между действиями обороняющегося и летальным последствием. Следовательно, конструктивную основу ст. 102 УК РК образует не просто причинение смерти, а именно причинение смерти в ситуации выхода за допустимые пределы необходимой обороны.

В этом смысле диспозиция ст. 102 УК РК имеет фактически производный характер, поскольку ее содержание невозможно раскрыть вне системной связи со ст. 32 УК РК. Если ст. 32 УК РК определяет необходимую оборону как обстоятельство, исключающее преступность деяния, то ст. 102 УК РК фиксирует уголовно-правовую оценку наиболее тяжкого варианта выхода за пределы такой обороны — причинения смерти посягающему. Поэтому при анализе объективной стороны данного состава важно разграничивать основание обороны и пределы ее осуществления. Основанием выступает реальное общественно опасное посягательство, а пределы защиты определяются характером и степенью его опасности, обстановкой нападения, интенсивностью угрозы и объективной необходимостью причинения вреда.

Проблема соотношения правомерной обороны и ее эксцесса традиционно строится вокруг двух взаимосвязанных вопросов: когда возникает само состояние необходимой обороны и при каких условиях причиняемый вред перестает быть социально оправданным. В данном случае особое значение приобретает оценка продолжительности периода, в течение которого лицо сохраняет право на защиту. Оборона допустима постольку, поскольку она объективно вызвана необходимостью пресечь либо предотвратить общественно опасное посягательство и ограничена задачей реальной защиты правоохраняемых благ. Все, что выходит за рамки этой защитительной цели, утрачивает правомерный характер и подлежит самостоятельной уголовно-правовой оценке.

В международно-правовой плоскости в подобных ситуациях обычно упоминается принцип пропорциональности, согласно которому лицо,

действующее с целью предупреждения преступления, не вправе применять силу, несоразмерную законной цели, которую необходимо достичь. Однако применительно к необходимой обороне механическое сопоставление вреда нападения и вреда защиты не всегда является корректным. Оборонительная ситуация, как правило, возникает внезапно и не всегда оставляет лицу возможность для спокойной и точной оценки. Поэтому для ст. 102 УК РК более существенным является не формальное сравнение вреда, а установление того, была ли избранная модель противодействия объективно необходимой для пресечения конкретного посягательства и являлся ли причиненный вред очевидно чрезмерным.

В состоянии необходимой обороны допускается причинение посягающему вреда в широком диапазоне, вплоть до смерти, однако при этом не должно быть превышения ее пределов. Согласно п. 9 Нормативного постановления ВС РК от 11 мая 2007 г. № 2, «под превышением пределов необходимой обороны следует понимать умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства. Обязательным следствием таких действий по отражению или пресечению посягательства является причинение нападавшему явно чрезмерного, не вызываемого обстановкой вреда. Для правильного установления пределов необходимой обороны и установления соответствия/несоответствия посягательства и защиты от него необходимо по каждому делу устанавливать и оценивать: характер посягательства, его общественную опасность, интенсивность посягательства, соответствие/несоответствие степени защиты нападению, сущность причиненного вреда посягавшему, очевидность (явность) чрезмерности причиненного вреда, обстановка, вызывающая/не вызывающая причинение такого вреда и др.» [14].

Из данного разъяснения следует, что объективная сторона ст. 102 УК РК предполагает не просто наличие общественно опасного посягательства и не просто наступление смерти, а причинение смерти в условиях явно чрезмерной оборонительной реакции. Состояние необходимой обороны образует исходную правовую основу для причинения вреда, однако характер и опасность посягательства очерчивают границы допустимого поведения. Поэтому с теоретической точки зрения более корректно разграничивать основание обороны и пределы ее осуществления, а не смешивать эти элементы в единую оценочную формулу.

При посягательстве, реально создающем угрозу жизни, причинение нападающему даже самого тяжкого вреда не должно автоматически рассматриваться как эксцесс обороны. В таких случаях решающее значение имеет не сам результат, а объективная необходимость прекращения опасного нападения. Вместе с тем непосредственная угроза жизни не всегда является очевидной, а потому ее установление также может быть спорным. Кроме

того, защита допустима не только против посягательств, прямо угрожающих жизни: основанием обороны могут выступать и иные общественно опасные деяния, если без причинения вреда посягающему пресечь их невозможно. Поэтому вопрос о допустимости причинения серьезного вреда в ответ на нападения меньшей интенсивности не может решаться отвлеченно; он требует анализа фактической ситуации, соотношения сил, внезапности конфликта, числа нападавших, места и времени события.

Согласно ст. 2 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., при защите любого лица от противоправного насилия допустимо даже лишение посягающего жизни [31]. Данный ориентир важен для оценки объективной стороны ст. 102 УК РК, поскольку демонстрирует, что абсолютный запрет на летальную защиту вне ситуаций непосредственной смертельной угрозы не вытекает ни из международных стандартов, ни из самой природы необходимой обороны. Вопрос заключается в другом: была ли смерть посягающего объективно обусловлена необходимостью защиты либо являлась явно чрезмерным результатом оборонительного поведения.

Принципиальное значение имеет признание правомерности защитительных действий не только в ответ на уже начавшееся насилие, но и при наличии непосредственной и реальной угрозы его причинения. Такая угроза может выражаться как в словах, так и в действиях, недвусмысленно свидетельствующих о переходе к нападению. Поэтому упреждающая реакция обороняющегося не должна автоматически квалифицироваться как преждевременная. В п. 5 Нормативного постановления ВС РК № 2 указано, что «необходимая оборона допустима не только тогда, когда умышленными или неосторожными действиями нападавшего уже причинен вред, но и тогда когда причинение вреда еще не начато, но создана реальная угроза его причинения (например, совершены приготовительные действия для осуществления посягательства и др.) или когда посягающий еще не закончил совершение противоправных действий (продолжает избивать, не успел вынести украденное из квартиры), а также и тогда, когда защита последовала непосредственно за актом посягательства, которое фактически было закончено, но по обстоятельствам дела для обороняющегося не был ясен момент его окончания. При оценке указанных ситуаций следует исходить из того, насколько явными были для обвиняемого моменты начала и окончания посягательства, мог ли он в конкретно сложившейся обстановке правильно оценить ситуацию» [14].

Отдельного внимания заслуживает вопрос об использовании заранее установленных средств защиты, действующих автоматически или автономно. Если такое средство вводится в действие именно для отражения общественно опасного посягательства и срабатывает в момент реального нападения, оценка содеянного должна строиться через правила о необходимой обороне.

Если же устройство причиняет вред при отсутствии нападения либо создает недопустимую угрозу для третьих лиц, оснований применять конструкцию обороны не возникает. Юридически значимыми здесь становятся момент срабатывания средства, личность потерпевшего, направленность вреда именно на посягающего, а также объем и характер причиненного вреда. В литературе справедливо отмечается, что заранее установленные средства создаются для защиты охраняемых благ, хотя действуют в отсутствие самого обороняющегося; при этом возможна ошибка в прогнозе последствий их применения [32, с. 24–25]. В п. 8 НП ВС РК № 2 указано: «Причинение вреда лицу, которое в реальности не совершило, но по мнению обороняющегося, могло когда-либо совершить общественно опасное посягательство, не образует необходимой обороны, поскольку деяние направлено на причинение вреда неопределенному кругу лиц, а не на отражение конкретного общественно опасного посягательства, исходящего от определенного лица…» [14].

Не менее важно разграничивать общественно опасное посягательство и драку. Сам по себе факт взаимного применения насилия еще не означает, что между участниками имел место «поединок» по взаимному согласию, а не нападение одной стороны и вынужденное противодействие другой. По делам такого рода необходимо выяснять, кто инициировал конфликт, как он развивался, какие мотивы имели участники и сохранялось ли у одного из них намерение прекратить драку. Иными словами, для объективной стороны ст. 102 УК РК недостаточно констатировать двусторонний характер насилия; необходимо установить функциональные роли сторон в конкретный момент конфликта.

Показательно дело, в котором Пленум Верховного Суда СССР признал необоснованным вывод нижестоящего суда о наличии обоюдной драки и виновности Л. в убийстве К. Из материалов дела следовало, что К., находясь в нетрезвом состоянии, сначала приставал к Л. и бил его кулаками по лицу, затем предложил отойти за здание Дома культуры, где снова стал наносить удары. В ответ Л. нанес К. сильный удар ногой в живот, от которого потерпевший скончался. Пленум указал, что согласие Л. «отойти в сторону для объяснений» само по себе не свидетельствовало о принятии вызова на драку. Значение данного примера состоит в том, что уголовно-правовая оценка должна учитывать динамику конфликта: столкновение, начавшееся как взаимная ссора, может трансформироваться в модель «посягательство — защита», если одна сторона прекращает противоборство, а другая продолжает агрессию.

Особую сложность представляет провокация, когда лицо сознательно создает конфликтную ситуацию, чтобы затем сослаться на оборону. В такой ситуации оно не должно пользоваться преимуществами института необходимой

обороны. Провокация понимается как возбуждение или склонение лица к действиям, которые могут повлечь для него неблагоприятные последствия; искусственное возбуждение конфликта [33, с. 607]. В п. 6 НП ВС РК № 2 указано, что «не может признаваться находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, … которое своим поведением специально вызвало (спровоцировало) нападение, чтобы затем использовать эту ситуацию как повод для совершения противоправных действий (например, развязывание драки, учинение расправы, совершение акта мести и т.п.)» [14]. Однако даже в подобных случаях вопрос не всегда исчерпывается простой формулой. Если первоначальный провокатор в дальнейшем реально оказывается под угрозой смерти или тяжкого вреда и уже не преследует цель расправы под прикрытием обороны, ситуация требует более тонкой оценки. Зарубежному законодательству известны модели, при которых самооборона допускается и при «спровоцированной агрессии», если лицо впоследствии реально оказалось под угрозой смерти или тяжкого вреда и предпринимало меры к прекращению конфликта. Так, УК Канады предусматривает возможность самообороны «в случае спровоцированной агрессии» при наличии разумного опасения смерти или тяжкого вреда, невозможности защититься иным способом, отсутствии первоначального намерения причинить смерть или тяжкий вред, а также попытке предотвратить дальнейшее развитие конфликта [34, с. 61]. Очевидно, что НП ВС РК № 2 нуждается в подобном уточнении, поскольку сам факт предшествующего ненадлежащего поведения не должен полностью лишать лицо права на защиту жизни и здоровья, если ситуация затем реально трансформировалась в опасное посягательство. Вместе с тем провокация может учитываться при оценке превышения пределов необходимой обороны и индивидуализации ответственности.

Продолжаемое либо длящееся посягательство также требует особого анализа. Если нападающий лишь временно приостанавливает действия, но для обороняющегося очевидно, что это сделано ради последующего продолжения насилия или создания более выгодных условий для нового нападения, состояние обороны не прекращается. По тем же причинам переход орудия нападения к обороняющемуся не должен автоматически интерпретироваться как окончание посягательства, поскольку угроза может сохраняться при численном превосходстве, физическом преимуществе, критической интенсивности нападения либо иных обстоятельствах.

Длящийся характер могут иметь похищение человека, незаконное лишение свободы, захват заложника и иные формы продолжаемого насилия. В таких случаях необходимость оборонительного вмешательства не исчерпывается моментом первоначального захвата потерпевшего, поскольку пока продолжается незаконное удержание, сохраняется и общественно опасное

посягательство. Вместе с тем право на необходимую оборону при продолжаемых и длящихся посягательствах не должно пониматься как безграничное; более точно оценивать, в какие именно временные отрезки посягательство создает реальную и непосредственную опасность.

С точки зрения общей теории основания необходимой обороны важно признать, что источником соответствующего состояния может быть не только оконченное преступление в узком смысле, но и иное общественно опасное деяние, содержащее признаки уголовно наказуемого поведения. Поэтому необходимая оборона возможна и против посягательств, совершаемых невменяемыми, малолетними и иными лицами, которые по субъективным основаниям не подлежат уголовной ответственности. Для обороняющегося существенен объективный характер опасности, а не последующая квалификация статуса нападавшего. Как указывается в п. 4 НП ВС РК № 2, «посягательство, от которого человек вправе защищаться, может быть умышленным и неосторожным, оно может содержать состав уголовного правонарушения или не быть преступным, однако эти обстоятельства не влияют на право обороняющегося защищаться, поскольку обороняющийся в равной мере вправе защищаться от умышленного или неосторожного посягательства, исходящего от лица, подлежащего уголовной ответственности, и непосредственно от невменяемого или от лица, не достигшего возраста с которого наступает уголовная ответственность» [14].

В теории уголовного права встречаются утверждения, что законодатель поставил препятствие «для беспредельной защиты практически всех видов сексуальных посягательств (за исключением изнасилования, совершенного с угрозой убийства)» [35, с. 30], и что на доктринальном уровне сохраняется проблема «допустимости причинения смерти субъектам насильственных посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность» [36, с. 18]. Подобные указания не лишены основания, поскольку второй абзац ч. 3 ст. 32 УК РК не содержит специальной оговорки относительно данных случаев. Между тем с позиции объективной стороны ст. 102 УК РК именно характер насилия, реальность угрозы, внезапность нападения и невозможность его пресечения иными средствами должны определять, являлось ли причинение смерти явно чрезмерным.

Отдельный исследовательский интерес представляет использование животных как средств защиты охраняемых интересов. В российской литературе предлагалось прямо упомянуть такую возможность в судебном толковании [37, с. 104]. Для казахстанского права этот вопрос также не лишен значения, поскольку НП ВС РК не содержит специальных указаний. При надлежащей оценке подобные случаи логически должны подпадать под общие правила о необходимой обороне, если применение животных

направлено на отражение реального общественно опасного посягательства и не создает недопустимого риска для посторонних лиц.

Посягательство на имущество, особенно сопряженное с вторжением в жилище, нередко создает ситуацию, при которой обороняющийся вследствие внезапности, ночного времени, неизвестности намерений нарушителя и общей конфликтной обстановки не способен хладнокровно оценить степень опасности. Именно по этой причине во втором абзаце ч. 3 ст. 32 УК РК имеется специальное указание по данному поводу. Жилище и иные объекты недвижимости обладают повышенной социальной значимостью и уязвимостью, поэтому их защита воспринимается как требующая более решительных средств реагирования. Казахстанский законодатель фактически предрешает ситуацию таким образом, что вред, причиненный лицу, которое насильственно вторглось в жилище или помещение либо осуществило поджог, не признается причиненным при превышении пределов необходимой обороны. Как указывает С.Т. Сулейманова, «при защите недвижимого имущества применение силы не ограничивается, в отличие от защиты движимого имущества (вещи), и основное условие правомерности такой защиты - соразмерность действий обороняющегося характеру нападения (применение силы не больше, чем необходимо)» [34, с. 62].

В целом при оценке института необходимой обороны, в том числе применительно к ст. 102 УК РК, нельзя исходить из идеи «баланса интересов» между обороняющимся и посягающим как равновеликими ценностями. Сам факт причинения смерти в ходе обороны не должен автоматически оцениваться чрезмерно критически, поскольку социальное назначение необходимой обороны состоит в приоритете защиты правомерных интересов личности, общества и государства перед интересами лица, осуществляющего общественно опасное посягательство. Поэтому требование свести вред нападающему к минимально возможному уровню не должно подменять основной вопрос: была ли защита достаточной и действительно необходимой для прекращения нападения. Именно в этом смысле нельзя полностью согласиться с подходами, чрезмерно индивидуализирующими природу обороны как инструмента исключительно личной самозащиты [36, с. 22]. Необходимая оборона — это не только самооборона, но и ситуация, в которой лицо фактически защищает правопорядок.

Не случайно в литературе подчеркивается, что необходимая оборона воспринимается как особый элемент уголовного закона, поскольку она не криминализирует поведение, а, напротив, исключает его преступность. По мнению Н.Э. Мартыненко, необходимая оборона - это своего рода «инородное тело», поскольку назначение уголовного закона заключается в установлении преступности и наказуемости деяния, а необходимая оборона

устанавливает правомерность поведения человека [37, с. 102]. В условиях правового государства уголовный закон должен не ослаблять положение обороняющегося, а обеспечивать реальную защиту лица, вынужденного отражать посягательство.

Наибольшие затруднения вызывает установление временных границ состояния необходимой обороны. Если при очевидном и непрерывном нападении правоприменитель сравнительно уверенно решает вопрос о наличии обороны, то значительно сложнее оценивать ситуации, когда посягательство временно ослабевает, формально прерывается, приобретает длящийся или продолжаемый характер либо трансформируется в угрозу незамедлительного возобновления насилия. Именно в таких делах нередко возникает расхождение между позицией обвинения, защиты и суда [38]. Правомерность обороны обусловлена реальным существованием общественно опасного посягательства, поэтому пределы допустимой защиты не могут определяться вне анализа самого нападения, его интенсивности, характера, последовательности и воспринимаемой обороняющимся опасности. Момент окончания состояния необходимой обороны должен соотноситься с моментом прекращения посягательства, однако на практике фактическое завершение нападения не всегда совпадает с его юридической оценкой. В литературе при характеристике оснований прекращения посягательства указывалось: «1) посягательство прекращается лицом добровольно или же в силу того, что посягающий не в состоянии преодолеть возникшие препятствия; 2) когда посягательство вынужденно прекращается ввиду того, что обороняющийся одолел посягавшего и отразил его нападение; 3) когда посягавший достиг своей цели, нарушив индивидуальные или общественные интересы» [39, с. 93]. Эта классификация важна потому, что позволяет рассматривать завершение нападения не формально, а через реальную утрату опасности.

В учебной литературе также отмечалось, что, если вред причинен посягавшему после окончания посягательства, когда необходимость в защите уже отпала, деяние должно квалифицироваться на общих основаниях, но при назначении наказания могут учитываться смягчающие обстоятельства [40, с. 200]. Однако формально-юридический подход, при котором право на оборону считается исчерпанным сразу после внешне наблюдаемого прекращения активных действий, может приводить к ошибкам. Если нападение не окончено, а лишь временно прервано либо сохраняется высокая вероятность его немедленного продолжения, вывод об утрате права на оборону может быть преждевременным. Поэтому убедительной является позиция, согласно которой причиной квалификационных ошибок становится приравнивание момента окончания необходимой обороны к юридическому моменту окончания преступного посягательства [41, с. 113].

При длящихся и продолжаемых посягательствах проблема приобретает иной масштаб, поскольку противоправное воздействие на охраняемое благо развивается во времени либо состоит из ряда взаимосвязанных эпизодов. В таких обстоятельствах не всегда верно говорить о непрерывном существовании права на оборону на всем протяжении противоправного поведения; точнее определять, в какие именно временные отрезки посягательство создает реальную и непосредственную опасность. Как отмечают А.П. Дмитренко и С.Н. Сарницкий, вред охраняемому уголовным законом объекту при посягательстве продолжительного характера может быть причинен только при совершении деяний, являющихся эпизодами продолжаемого посягательства; соответственно, лицо может находиться в состоянии необходимой обороны только в период таких эпизодов или при опасности их совершения [41, с. 113].

Особое значение имеет вопрос о сохранении состояния необходимой обороны в промежутке между отдельными эпизодами длящегося либо продолжаемого посягательства. Само наличие паузы не означает исчезновения опасности. Если обстановка, предшествующее поведение посягающего, характер конфликта, выраженные угрозы или иные обстоятельства свидетельствуют о высокой вероятности немедленного продолжения насилия, право на оборону может сохраняться. В литературе это обоснованно связывается не с формальным продлением завершившейся обороны, а с продолжающимся наличием реальной опасности [42]. При значительном временном интервале суду необходимо отдельно устанавливать, существовала ли непосредственная и реальная угроза возобновления насилия. В противном случае возникает риск признания обороны там, где фактически имело место запоздалое причинение вреда. Обоснованным является предложение Д.В. Боева о необходимости разграничения приостановления и прекращения посягательства [43, с. 111].

2.2 Субъективные признаки состава убийства при превышении пределов необходимой обороны

Субъективная сторона убийства при превышении пределов необходимой обороны характеризуется умышленной формой вины, поскольку превышение пределов обороны в уголовно-правовом смысле предполагает именно умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства. При этом умысел виновного имеет специфическую направленность: лицо осознает, что причиняет посягающему вред в ситуации защиты, предвидит возможность или неизбежность наступления смерти и желает либо сознательно допускает такой результат. Однако данный умысел отличается от умысла при обычном убийстве тем, что он формируется не вне связи с посягательством, а в условиях оборонительной ситуации. Поэтому мотив и цель поведения также имеют

особое значение: виновный действует не из исходной направленности на лишение жизни, а в целях отражения либо пресечения общественно опасного посягательства, хотя и выбирает явно чрезмерный способ защиты.
Субъектом преступления, предусмотренного ст. 102 УК РК, является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности за данный состав. Его особенность состоит не в специальных юридических признаках, а в фактическом положении обороняющегося: субъект первоначально находится в состоянии необходимой обороны, то есть реагирует на реальное общественно опасное посягательство. При оценке субъективных признаков существенное значение имеют страх, испуг, замешательство, внезапность нападения, физическое и психологическое состояние лица, а также его возможность правильно оценить характер и степень опасности посягательства. Эти обстоятельства не всегда исключают ответственность по ст. 102 УК РК, но позволяют понять механизм превышения пределов обороны и могут влиять на решение вопроса об освобождении от уголовной ответственности либо индивидуализации наказания.
Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в теории превышение пределов необходимой обороны нередко именуется эксцессом обороны, что непосредственно связано с пониманием субъективных признаков состава преступления. Это подчеркивает, что даже умышленное причинение чрезмерного вреда не может полностью приравниваться к причинению такого же вреда вне оборонительной ситуации. Именно поэтому законодатель устанавливает существенно сниженные санкции за причинение смерти при превышении пределов необходимой обороны. В казахстанском праве уголовно наказуемый эксцесс обороны имеет строго ограниченный характер, так как в Особенной части УК РК специально выделены убийство при превышении пределов необходимой обороны и причинение тяжкого вреда здоровью в аналогичной ситуации. Следовательно, уголовно-правовое значение приобретает лишь умышленное причинение наиболее серьезного вреда при очевидной чрезмерности защиты.
Необходимая оборона и ее эксцесс допустимы лишь в пределах реально существующего, то есть наличного, посягательства. За рамками фактического посягательства институт обороны применяться не может. Поэтому причинение вреда после того, как опасность устранена и необходимость в защите отпала, утрачивает оборонительный характер. Вместе с тем обороняющийся далеко не всегда способен адекватно оценить момент прекращения посягательства, что требует учета при квалификации. В целом методологически вернее рассматривать несвоевременное применение явно чрезмерных мер не как самостоятельный вид «несвоевременной обороны», а как частный случай выхода за пределы допустимой защиты либо как

ситуацию мнимой обороны - в зависимости от того, существовало ли посягательство объективно.

Именно этим объясняется особая природа мнимой обороны, при которой лицо ошибочно полагает, что отражает реальное посягательство. Такое лицо освобождается от ответственности не потому, что оно действительно находилось в состоянии обороны, а потому, что при определенных условиях действует невиновно. В этом смысле тезис Н. Егоровой и С. Гордейчика о том, что здесь «имеет место невиновное причинение вреда (ст. 28 УК РФ)» [44, с. 19], имеет методологическую ценность. В п. 7 НП ВС РК № 2 указано: «следует отличать необходимую оборону от мнимой обороны. При мнимой обороне общественно опасное посягательство фактически в реальности отсутствует, но обстановка происшествия дает основание обороняющемуся считать, что оно совершается и он, в связи с этим, ошибочно полагает, что действует против такого посягательства» [14].

Казахстанское судебное толкование исходит из оценки мнимой обороны по правилам фактической ошибки. Если лицо, действуя в ошибочно воспринятой ситуации, причиняет вред, который был бы чрезмерным даже при наличии реального посягательства, вопрос об ответственности может решаться по модели эксцесса защиты. Если же отсутствовало не только само нападение, но и разумные основания считать, что оно имеет место, содеянное не должно пользоваться преимуществами института необходимой обороны. НП ВС РК № 2 указывает, что «за вред, причиненный при мнимой обороне, уголовная ответственность наступает лишь при наличии следующих обстоятельств: 1) когда причинитель вреда в связи со сложившейся обстановкой обоснованно полагал, что он действует в состоянии необходимой обороны, но при этом превысил ее пределы; 2) когда при должной внимательности причинитель вреда мог правильно оценить обстановку и сделать вывод об отсутствии общественно опасного посягательства… В таких случаях лицо несет ответственность по правилам о фактической ошибке, т.е. за причинение вреда правоохраняемым объектам соответствующих лиц по неосторожности» [14].

Подробная расшифровка понятия мнимой обороны является дополнительным инструментом защиты обороняющегося лица и одновременно учитывает, что состояние «мнимости» может возникать достаточно часто. Человеку свойственны опасения относительно посягательств на его права и законные интересы, а также на права третьих лиц. Поэтому возможны ситуации ошибки относительно готовящегося или начавшегося посягательства, особенно при наличии предшествовавшего конфликта, темного времени суток, внезапного появления лица и иных объективных факторов.

В контексте оценки субъективных признаков состава убийства при превышении пределов необходимой обороны заслуживает внимания вопрос о

точности законодательного употребления термина «убийство» применительно к случаям превышения пределов необходимой обороны. Если исходить из понимания убийства как противоправного умышленного причинения смерти, то в анализируемой ситуации причинение смерти осуществляется в особой оборонительной обстановке и обусловлено защитной мотивацией виновного. В публикациях указывается, что убийство «…представляет собой насильственную смерть, когда организм «вводится в предсмертное и смертельное состояние» вне зависимости от естественных процессов увядания (старения)» [45, с. 51]. Однако применительно к ст. 102 УК РК более существенным является то, что умысел обороняющегося преимущественно связан с сопротивлением, пресечением посягательства и предотвращением вреда от него.

В литературе высказываются критические замечания относительно законодательной терминологии привилегированных составов, связанных с превышением пределов необходимой обороны. Б.В. Сидоров и А.Г. Бабичев, анализируя конструкцию ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны, указывают на несовершенство законодательного описания данного состава и подчеркивают его производный характер от состояния необходимой обороны [46]. В этой связи термин «убийство» не в полной мере отражает специфику содеянного, тогда как более точной с технико-юридической точки зрения могла бы быть формула «умышленное причинение смерти при превышении пределов необходимой обороны». С.В. Винник справедливо отмечает, что в ходе необходимой обороны умысел обороняющегося, как правило, имеет неконкретизированный характер, в связи с чем вред причиняется не в той форме, к какой стремится сам обороняющийся, а в той, которая представляется ему достаточной для пресечения посягательства [47, с. 82].

Особую специфику субъективные признаки ст. 102 УК РК приобретают в семейно-бытовой сфере. Насильственные посягательства в этой области отличаются высокой ситуативной изменчивостью: роли нападающего и обороняющегося в конкретном эпизоде могут быть менее очевидны, чем в иных видах насильственной преступности. Отдельные авторы указывают, что до 60 % наиболее острых внутрисемейных конфликтов еще за 10-15 минут до совершения посягательства не позволяют с достаточной определенностью установить, кто в дальнейшем окажется потерпевшим, а в отношении кого будет решаться вопрос о форме и пределах виновности. Это не означает утрату определенности права на самооборону, но требует повышенной аккуратности при установлении реального характера посягательства, динамики конфликта и субъективного восприятия опасности.

О.В. Лихачева, исследуя конкретные случаи семейно-бытового насилия, отмечала, что «…58,7% преступников пошли на совершение преступления в

отношении члена своей семьи вследствие аморального или противоправного поведения потерпевших. Около 31,6% осужденных по изученным уголовным делам - дети, в том числе и совершеннолетние, совершившие преступление против своих родителей, отчимов, сожителей своих родителей; 20,3% - родители, которые пошли на насилие над своими детьми вследствие их аморального поведения; 40,9% - супруги, в том числе и сожители; 7,2% - другие родственники» [48, с. 39]. Это суждение важно не как попытка переложить ответственность на потерпевшего, а как указание на то, что семейно-бытовой конфликт зачастую имеет предысторию, без учета которой оценка последующего акта самообороны может оказаться неполной.

При анализе деяний, предусмотренных ст. 102 и ст. 112 УК РК, необходимо принимать во внимание не только отдельно взятый эпизод, но и предшествующий фон отношений между нападавшим и обороняющимся. В публикациях о семейно-бытовом насилии отмечается, что бытовой агрессор в конкретный момент может перейти к более опасной форме насилия, а жертва - прибегнуть к насильственному сопротивлению, причинив тяжкий вред или смерть. В сфере семейно-бытового насилия женщины сравнительно чаще оказываются не исходными агрессорами, а лицами, реагирующими на систематическое или цикличное насилие. Приведенная в исходном материале статистика показывает, что доля женщин среди лиц, совершивших убийства в 2020–2025 гг., составила в среднем 11,4 %, тогда как в контексте ст. 102 УК РК средний показатель существенно выше - 25,8 %. Эти данные не означают автоматического признания таких деяний совершенными в состоянии необходимой обороны, но свидетельствуют о необходимости внимательной оценки объективной обстановки семейно-бытового конфликта.

Показательным является дело Ешмухановой Ж.Б., в котором между ней и супругом с 2016 года систематически возникали конфликты на почве ревности, сопровождавшиеся физическим насилием. Во время очередного конфликта супруг, по материалам дела, сообщил ей об изменах, оскорблял и избивал ее, после чего женщина нанесла ему множественные удары ножом, от которых он скончался. Ешмуханова Ж.Б. была осуждена по ч. 1 ст. 99 УК РК к 9 годам лишения свободы [49]. Данный пример не обязательно свидетельствует о неверной квалификации, но наглядно показывает, как стойкая ситуация семейно-бытового насилия способна спровоцировать акт ответного насилия.

Формально женщины, причинившие смерть или тяжкий вред здоровью в семейно-бытовой сфере, подлежат уголовной ответственности на общих основаниях. Однако в специальных исследованиях подчеркивается, что для женщин более характерны совершение деяния под воздействием провокации со стороны потерпевшего, направленность агрессии на супруга или сожителя, длительная неблагополучная ситуация в семье, повышенная

эмоциональность и зависимость поведения от конкретной конфликтной обстановки. Отдельно отмечается, что в условиях семейно-бытового насилия женщины чаще вовлекаются именно в тяжкие насильственные преступления [50, с. 10].

Схожим образом дело Шиян Т.Л., которая во время конфликта с сожителем, находившимся в состоянии алкогольного опьянения и, по материалам дела, агрессивно настроенным, нанесла ему три ножевых ранения, показывает, что правовая оценка нередко ограничивается непосредственным эпизодом причинения вреда. Она была признана виновной по ч. 1 ст. 106 УК РК и осуждена к ограничению свободы на 4 года, впоследствии замененному лишением свободы в связи с нарушением пробационного контроля [51]. Подобные дела свидетельствуют, что предшествующее насилие часто не получает самостоятельной оценки, хотя для применения или исключения ст. 102 и ст. 112 УК РК важна вся объективная картина конфликта.

Справедливо указание исследователей, что «…насильственное поведение человека не может быть врожденной биологической реакцией, а является одной из многообразных форм поведения, обусловленной, прежде всего, условиями социализации личности. Психофизиологические же особенности человека (за исключением случаев психического болезненного состояния) лишь способствуют выбору направления поведенческой реакции, не предопределяя ее» [52, с. 14]. При этом специально подчеркивается значение института необходимой обороны как эффективного механизма предупреждения тяжких насильственных преступлений и одновременно фиксируются проблемы правоприменительной практики, из-за которых граждане часто не готовы реализовывать свое право на защиту [52, с. 82–88].

В современной теории преобладает позиция о необходимости ограничения обязанностей обороняющегося лица по точному соразмерению своей защиты с посягательством [53, с. 12]. Отдельные авторы предлагали вовсе исключить из уголовного закона самостоятельную норму, предусматривающую ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны [54, с. 9]. Другие, напротив, настаивают на том, что право на самооборону должно возникать не только с момента фактического начала посягательства, но и при возникновении угрозы охраняемым правам обороняющегося либо других лиц [55, с. 8–9]. Эти подходы важны для ст. 102 УК РК, поскольку объективная сторона данного состава должна устанавливаться с учетом реальной сложности оборонительной ситуации, а не через абстрактное требование идеальной соразмерности.

Е.В. Лукки, анализируя ситуации посягательства на членов семьи, приходит к выводу, что членов семьи следует рассматривать как фактически специальных субъектов необходимой обороны с особыми параметрами

ответственности, поскольку в условиях угрозы близким людям для лица характерны повышенная эмоциональность и склонность воспринимать нападение как более опасное, чем оно может быть в действительности [56]. А.Н. Ильяшенко предлагал включить в число смягчающих обстоятельств отдельный признак — «совершение насильственного преступления при защите члена своей семьи или иного близкого родственника» [57, с. 17]. Эти подходы прежде всего касаются защиты одного члена семьи от посягательства на другого, однако они важны и для общей оценки семейно-бытовой оборонительной ситуации.

В.Ф. Щепельков на основе анализа судебной практики по делам о превышении пределов необходимой обороны в семейно-бытовой сфере пришел к выводу, что «в ситуациях с семейным насилием часто у обороняющегося в силу физического превосходства посягающего лица есть единственный гарантированный способ пресечь посягательство, связанный с высокой вероятностью причинения смерти» [11]. Данный вывод особенно значим для объективной стороны ст. 102 УК РК: если физическое превосходство посягающего и предшествующее насилие создают ситуацию, в которой менее интенсивная защита неэффективна, вывод о явности превышения должен быть особенно осторожным.

Несмотря на то, что законодатель в ст. 32 УК РК специально оговаривает значение внезапности посягательства и предписывает оценивать ее в пользу обороняющегося, ряд исследователей считает данный критерий избыточным, поскольку ситуация необходимой обороны по своей природе всегда развивается внезапно [58]. В семейно-бытовой сфере этот вопрос приобретает дополнительную сложность: конкретный эпизод очередного насилия может быть внезапным, но в условиях циклического домашнего насилия жертва нередко постоянно находится в ожидании очередного нападения. Это не снижает остроту восприятия опасности, а, напротив, усиливает страх, тревожность и влияет на способность хладнокровно соразмерить защиту с характером посягательства.

В условиях семейно-бытового насилия жертва часто находится в состоянии хронического страха и ожидания очередного эпизода агрессии. Насильственное поведение бытового агрессора может носить перемежающийся характер: периоды относительного затишья чередуются с внезапными вспышками насилия, а диапазон его форм заранее непредсказуем. Это несколько снижает ценность законодательной отсылки к внезапности как самостоятельному критерию, поскольку в условиях циклического насилия внезапность внешнего эпизода размывается постоянным ожиданием новой агрессии. В зарубежной практике в ряде случаев допускается учет предшествующей виктимизации лица при оценке

необходимой обороны, в том числе, когда обороняющееся лицо ранее являлось жертвой бытового насилия [59].

Отдельного внимания заслуживает ст. 66 УК РК об освобождении от уголовной ответственности при превышении пределов необходимой обороны вследствие страха, испуга или замешательства. Уже в УК РК 1997 года законодатель признал значение этих состояний; Законом РК от 9 ноября 2011 года № 490-IV перечень был дополнен внезапностью нападения, однако в УК РК 2014 года законодатель вернулся к более ранней модели, исключив указание на внезапность. Проблема состоит не столько в перечне состояний, сколько в диспозитивном характере нормы: лицо может быть освобождено от уголовной ответственности «с учетом обстоятельств дела», но такое освобождение не является обязательным.

Сами категории страха, испуга и замешательства раскрываются в НП ВС РК № 2. В частности, разъясняется: «Под страхом лица, подвергшегося нападению и причинившего вред посягавшему при необходимой обороне, следует понимать очень сильный испуг, сильную боязнь лица в связи с совершенным на него посягательством. Эмоциональное состояние лица, как испуг, в аналогичных случаях характеризуется внезапным появлением у него чувства страха. Под замешательством оборонявшегося лица следует понимать его внезапное смятение, растерянность, беспорядочность его действий, обусловленные страхом, испугом, вызванными общественно опасным посягательством» [14]. Аналогично данные состояния раскрываются в литературе: страх определяется как «сильную боязнь лица в связи с совершенным на него посягательством»; испуг - как «душевное состояние лица, возникшее в результате внезапного нападения на него»; замешательство - как «внезапное смятение, растерянность, беспорядочность его действий» [59, с. 61].

В зарубежном законодательстве страх, испуг, замешательство либо извинительное волнение нередко выступают обстоятельствами, исключающими наказуемость превышения пределов обороны. Согласно § 33 УК Германии, «если лицо превышает пределы необходимой обороны из-за замешательства, страха или испуга, то оно не подлежит наказанию» [60]. В ст. 33 УК Швейцарии закреплено, что обороняющийся не наказывается, если при отражении посягательства действовал в состоянии «извинительного волнения или замешательства» [61]. Схожие решения содержатся в уголовном законодательстве Польши [62] и Латвии [63]. В литературе также предлагается формула: «Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, обусловленные невозможностью адекватной оценки характера и степени опасности действий нападающего вследствие неожиданности посягательства, замешательства или испуга» [64].

Следовательно, имплементация зарубежного опыта в казахстанском праве оказалась неполной. В названных правопорядках страх, испуг, замешательство или извинительное волнение влекут однозначное исключение наказуемости, тогда как казахстанская модель оставляет вопрос на усмотрение правоприменителя. Применительно к семейно-бытовому насилию такая конструкция особенно уязвима, поскольку страх, испуг и замешательство здесь часто являются не кратковременной эмоциональной реакцией, а накопленным результатом систематического насильственного воздействия.

В связи с этим заслуживает внимания предложение о дополнении ч. 3 ст. 32 УК РК положением о том, что не является превышением необходимой обороны причинение вреда посягающему вследствие страха, испуга, замешательства, а также в случаях, когда обороняющийся ранее подвергался насилию со стороны посягающего лица. Такая редакция позволила бы более последовательно учитывать объективную обстановку обороны, особенно в семейно-бытовой сфере, где причинение смерти или тяжкого вреда нередко выступает результатом длительного насильственного фона, реальной угрозы и невозможности хладнокровной оценки пределов защиты.

Таким образом, объективная сторона состава, предусмотренного ст. 102 УК РК, представляет собой сложную юридико-фактическую конструкцию. Она включает действие обороняющегося, последствие в виде смерти посягающего, причинную связь между ними, реальное общественно опасное посягательство, наличность оборонительной ситуации, явность превышения пределов защиты, а также конкретную обстановку, влияющую на возможность оценки опасности. Именно поэтому квалификация по ст. 102 УК РК не может строиться только на тяжести наступившего результата. Решающее значение имеет вопрос о том, была ли смерть причинена в ситуации защиты и действительно ли примененная защита очевидно выходила за пределы необходимого противодействия общественно опасному посягательству.

Несмотря на то, что в определенная законодателем структура субъективных признаков состава ст. 102 УК РК явно указывает на признаки общего субъекта, имеются некоторые сложности в оценке реализации права на необходимую оборону со стороны специальных субъектов – сотрудников правоохранительных органов. В частности, служебная деятельность ОВД объективно связана не только с повышенной угрозой для жизни и здоровья самих сотрудников и с риском причинения ущерба охраняемым аконом интересам [65, с. 44], но и с постоянной вероятностью наступления уголовно-правовых последствий для самих должностных лиц ОВД в случаях, когда они действуют в условиях конфликта и опасности. По этой причине оценка поведения сотрудников ОВД не исчерпывается ведомственными

требованиями, поскольку она с неизбежностью будет затрагивать также и вопрос о пределах уголовно-правомерного причинения вреда. В казахстанском законодательстве ОВД определены как правоохранительный орган, а к их основным целям отнесены защита жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, интересов общества и государства от противоправных посягательств, а также охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности (ст. 1 Закона РК «Об органах внутренних дел Республики Казахстан») [66] Применение физической силы, специальных средств, огнестрельного и иного оружия в системе ОВД связано уже с Законом РК «О правоохранительной службе» [67], который регулирует соответствующие полномочия сотрудников. Именно поэтому риск уголовной ответственности сотрудников ОВД дел при отражении общественно опасного посягательства должен анализироваться через соотношение статьи 32 УК РК, статьи 102 и 112 УК РК, а также норм профильного (специального) законодательства. В рамках теоретических трактовок максимальную сложность образует ситуация, при которой сотрудник, воздерживаясь от активного противодействия посягательству (как правило, во избежание нарушения порядка применения силы, специальных средств или оружия) тем самым фактически уклоняется от выполнения возложенных на него задач по защите личности, общества и государства. Что касается самообороны сотрудника, то в данном случае подобная мотивация сдерживающего применения специальных средств и физической силы также может иметь место, но здесь критичность ситуации может привести к тому, что сдерживающие факторы существенным образом снизят эффект (инстинкт самосохранения, скорее всего, превысит требования осторожности). Обозначенная нормативная коллизия в данном случае имеет не формальный, а функциональный характер, поскольку, с одной стороны, на сотрудника ОВД возложены задачи по профилактике правонарушений, охране общественного порядка и борьбе с преступностью (ст. 4 Закона «Об ОВД»), с другой, - порядок применения специальных средств, огнестрельного и иного оружия и физической силы определяется Законом «О правоохранительной службе», что требует соблюдения специальных процедур. В результате бездействие сотрудника ОВД может оцениваться как ненадлежащее исполнение служебного долга, тогда как чрезмерно интенсивное противодействие способно породить вопрос о превышении пределов необходимой обороны, и данный вопрос на практике, скорее всего, приводит к ситуациям, когда сотрудник ОВД может принять решение воздержаться от действий в состоянии необходимой обороны для защиты третьих лиц, хотя это и составляет его прямую обязанность.

Указанная проблема особенно значима потому, что статья 32 УК РК исходит из общего, а не «служебного» характера права на необходимую оборону. Как

непосредственно указано в ст. 32 УК РК, «право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или государственным органам» [10]. Из процитированного нормативного положения следует, что сотрудник ОВД, несмотря на наличие специального статуса, в уголовно-правовом смысле не утрачивает прав, закрепленных для «обычного» обороняющегося субъекта. В то же время особенности службы не могут игнорироваться, поскольку они определяют правовой режим применения силы и оружия, а также повышают требования к профессиональной оценке обстановки, в том числе, и в ситуациях, связанных с обороной от общественно опасного посягательства.

В специальных исследованиях, как правило, отмечается, что в практике применения норм о необходимой обороне по-прежнему сохраняется обвинительный уклон [68, с. 67; 69, с. 40-41], что, в целом, подтверждается и реальной судебной практикой: в случае причинения смерти при ситуации необходимой обороны, как правило, имеет место осуждение по ст. 102 УК РК, хотя и не прямых (непротиворечивых) подтверждений тому, что имело место «явное» превышение необходимых к защите мер. Сама правовая природа ст. 32 УК РК не допускает ограничения права на необходимую оборону для сотрудников ОВД, а их специальные служебные полномочия никак не отменяют базового уголовно-правового статуса обороняющегося субъекта в случаях, когда сотрудник ОВД подвергается общественно опасному посягательству [70, с. 229; 71, с. 285; 72, с. 65].

Затрагивая вопрос о необходимой обороне так называемых «специальных субъектов», Н. А. Лопашенко полагает, что «пределы служебной обязанности по защите законных интересов и пределы права на необходимую оборону далеко не совпадают. Первые - гораздо уже, хотя бы потому, что имеют своим объектом защиту конкретного права … или пресечение правонарушений; жестко регламентированы в законе (например, применение оружия); направлены только на защиту интересов, не имеющих отношения к личным интересам лица, наделенного служебными полномочиями по защите правоохраняемых интересов. Поэтому все, остающееся за пределами служебной обязанности по защите законных интересов, относится к праву на необходимую оборону» [73, с. 497-498].

В целом, приведенная авторская позиция не вполне согласуется с конструкцией статьи 32 УК РК, поскольку норма о необходимой обороне не содержит разграничений между защитой личных и «неличных» интересов обороняющегося в том смысле, в каком это предлагается в процитированном подходе. Фактически в контексте ст. 32 УК РК принципиально значим не

ведомственный источник обязанности действовать, а наличие общественно опасного посягательства и соблюдение условий правомерности защиты. Поэтому закономерен вывод, что служебная функция сотрудника ОВД не должна противопоставляться его праву на необходимую оборону; первое (обязанность) и второе (право) существуют параллельно, хотя и, как правило, пересекаются в реальной оперативно-служебной обстановке.

По мнению А.Н. Попова, «если должностное лицо нарушило требования нормативных актов, предусматривающих основания применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы, т. е. когда не возникло право на необходимую оборону, то оно не может привлекаться к уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны. Если должностное лицо нарушило требования нормативных актов, предусматривающих порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы, то ответственность за превышение пределов необходимой обороны возможна» [74]. То есть автор разграничивает ситуацию, в которой спорным является основание или порядок применения специальных средств и физической силы. Соответственно, в первом случае, как указывает А.Н. Попов, право на необходимую оборону не возникает вообще.

Данный тезис представляется спорным по меньшей мере в двух аспектах. Во-первых, он фактически подменяет уголовно-правовые основания возникновения права на необходимую оборону специальными административно-служебными основаниями применения силы, специальных средств и оружия. Между тем вопрос о том, возникло ли состояние необходимой обороны, должен решаться исходя из признаков общественно опасного посягательства, а не из какой-либо ведомственной процедуры. Во-вторых, превышение пределов необходимой обороны сводится в этом подходе преимущественно к нарушениям порядка применения специальных средств защиты, тогда как статья 32 УК РК ориентирует на оценку явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства. Следовательно, даже при формальном соблюдении служебной процедуры возможен выход за пределы допустимой защиты, и, наоборот, отдельные нарушения ведомственного порядка еще не означают автоматического наличия состава преступления, если условия необходимой обороны в уголовно-правовом смысле были соблюдены. В данном случае не будет преувеличением сказать, что нормы о необходимой обороне носят более универсальный и, значит, приоритетный характер, нежели нормы профильного и ведомственного законодательства.

С точки зрения требований уголовного закона необходимая оборона не связывается с исчерпывающим перечнем допустимых средств отражения нападения, равно как и с полом, возрастом, физическим состоянием

посягающего либо с характеристикой объекта посягательства. Достаточно установления традиционных двух блоков условий правомерности - относящихся к посягательству и относящихся к защите [75; с. 272]. Однако в отношении сотрудников ОВД общая конструкция, действительно, осложняется тем, что законодательство о правоохранительной службе вводит специальные правила применения физической силы, специальных средств, огнестрельного и иного оружия (ст. ст. 60, 61 Закона РК «О правоохранительной службе»). Но из этого не следует автоматическое умозаключение, что специальный закон способен сократить объем права на необходимую оборону, гарантированного статьей 32 УК РК. Более точным представляется иной вывод, в рамах которого ведомственно-служебные ограничения имеют значение, прежде всего, для оценки дисциплинарной, административной или иной служебной ответственности сотрудника ОВД, тогда как при решении вопроса о преступности или непреступности причинения вреда приоритет должен сохраняться за уголовным законом [76, с. 5-6; 77]. Иными словами, несоблюдение отдельных требований специальных законов не должно механически трансформироваться в вывод о наличии состава преступления, предусмотренного статьей 102 или 112 УК РК, поскольку иначе норма о необходимой обороне фактически утратила бы универсальный характер и превратилась бы в исключение, доступное лишь лицам, не связанным служебными регламентами
НП ВС РК № 2 от 11 мая 2007 года не содержит каких-либо специальных оговорок относительно того, каким образом следует трактовать право на необходимую оборону и, в целом, ответственность сотрудников полиции при причинении вреда. Для сравнения, в российском ППВС № 19 от 27 сентября 2012 г. содержится следующее разъяснение: «Сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы» [78]. Даже если воспринимать это положение как попытку учесть специальный правовой режим деятельности сотрудников силовых структур, в его основе все же лежит тенденция к ограничительной трактовке права на необходимую оборону для данных лиц. Для казахстанской доктрины более приемлемо понимание, согласно которому нарушение специальных правил само по себе не решает вопроса о преступности деяния, поскольку решающим остается соответствие условий причинения вреда

требованиям статьи 32 УК РК [79, с. 23; 80, с. 86; 81, с. 145]. Очевидно, несоблюдение сотрудником ОВД отдельных предписаний законодательства о правоохранительной службе может образовывать иной вид юридической ответственности, но не должно автоматически означать наличие факта превышения пределов необходимой обороны [82, с. 85].

Данный вывод отнюдь не означает, что специальное (профильное) законодательство утрачивает значение, поскольку именно оно формирует нормативные пределы служебного усмотрения, поддерживает баланс между интересами государства и правами граждан, а также препятствует произвольному расширению допустимого насилия со стороны правоохранительных органов. Однако уголовно-правовая оценка и служебная регламентация не совпадают (и не могут совпадать) полностью, так как первая отвечает на вопрос о том, является ли причинение вреда преступным, а вторая - о том, действовал ли сотрудник ОВД надлежащим образом с точки зрения дисциплины и служебной процедуры. Это различие имеет принципиальное значение для корректного применения статьи 32 УК РК. При этом судебная практика практически не содержит случаев привлечении сотрудников правоохранительных органов за причинение вреда в ситуации необходимой обороны. Очевидно, это связано с большим количеством факторов, в том числе, и с тем, что в рамках досудебного рассмотрения материалов дела дается соответствующая правовая оценка действиям сотрудников. При этом, по данным исследователей, сами сотрудники ОВД воспринимают проблему необходимой обороны как одну из наиболее сложных в своей служебной деятельности [80, с. 82]. Это как раз-таки во многом объясняется тем, что они вынуждены одновременно учитывать и общие уголовно-правовые критерии, и специальные требования служебного законодательства.

Как уже было ранее отмечено, в рамках материально-правовых параметров необходимой обороны имеется четкое различие между посягательствами, сопряженными с насилием, опасным для жизни, и посягательствами, не обладающими таким качеством. В первом случае законодатель исходит из существенно более широкого объема допустимой защиты, по причине чего посягательства, создающие реальную угрозу жизни сотрудника ОВД или иного лица, должны оцениваться через призму ч. 3 ст. 32 УК РК, а возможное причинение смерти посягающему само по себе еще не означает превышения пределов необходимой обороны. Причем, данный вывод справедлив и для случаев, когда посягательство исходит от лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста или невменяемости, поскольку правовое значение имеет объективная опасность нападения, а не уголовно-правовой статус нападающего. В данном случае к сотруднику ОВД также не могут быть применены более жесткие требования, чем к «обычным» субъектам

права на необходимую оборону, поскольку сам источник опасности для них является равнозначным. Кроме того, сотрудник ОВД вправе действовать оборонительно с того момента, когда угроза перестает быть предположительной и приобретает характер реальной и непосредственной опасности, соответственно, и требования по своевременности необходимой обороны в данном случае также имеют универсальный характер.

В ходе контент-анализа публикаций в сети Интернет выявлен показательный пример, когда суд апелляционной инстанции переквалифицировал действия участкового уполномоченного полиции М. на состав убийства при превышении пределов необходимой обороны, признав, что нападение потерпевшего создавало реальную опасность для жизни самого сотрудника [83]. Данный пример наглядно демонстрирует сложность отграничения правомерной обороны от ее эксцесса в служебно-бытовых конфликтах, где предшествующее поведение сотрудника может быть порицаемым, но это не лишает его автоматически права на защиту. То есть сама по себе недисциплинированность либо аморальность поведения до начала нападения не устраняет возможности ссылаться на право о необходимой обороне, если впоследствии возникло реальное общественно опасное посягательство. Данный пример наглядно показывает, что в ситуации необходимой обороны должны максимально уравниваться «обычные» и специальные субъекты даже в том случае, когда речь идет не только о тех или иных служебных ограничениях, но даже и при морально-этической оценке поведения (в данном случае нарушение этических норм со стороны сотрудника ОВД может быть порицаемым, но точно не исключающим его право на необходимую оборону).

В целом, в отношении права на необходимую оборону сотрудников ОВД справедливо также и требование относительно соразмерности защиты и интенсивности (общественной опасности) посягательства. Так, неочевидная ошибка в восприятии опасности, обусловленная внезапностью нападения, обстановкой, внешним видом оружия или числом нападавших, всегда должна оцениваться в пользу обороняющегося, в том числе, и касательно сотрудников ОВД. В этом смысле показателен эпизод, когда на сотрудника полиции во внеслужебное время было совершено нападение группой лиц, а использованный нападавшим пистолет впоследствии оказался пневматическим и непригодным для стрельбы [84]. Для уголовно-правовой оценки в подобных ситуациях принципиально не техническое состояние предмета, установленное при реконструкции события нападения, а то, каким образом обстановка нападения объективно воспринималась сотрудником ОВД в момент нападения.

С учетом изложенного могут быть сформулированы следующие выводы. Во-первых, нарушение сотрудником ОВД специальных требований

законодательства о правоохранительной службе относительно оснований и порядка применения силы, специальных средств, огнестрельного и иного оружия не тождественно нарушению уголовно-правовых запретов и может расцениваться исключительно как дисциплинарное или иное нарушение. Во-вторых, сотрудники ОВД обладают таким же правом на необходимую оборону, как и иные лица, а при решении вопроса о наличии (отсутствии) состава уголовного правонарушения приоритет должен отдаваться статье 32 УК РК, а не специальным служебным регламентам. В-третьих, для устранения коллизий между нормами УК РК и специальным нормативным регулированием требуется более последовательное нормативное закрепление идеи о том, что соблюдение условий необходимой обороны исключает уголовную ответственность сотрудника даже при наличии нарушений ведомственного порядка применения силы, не влияющих на саму уголовно-правовую оценку. Исходя из приведенной аргументации, НП ВС РК № 2 от 11 мая 2007 года должно быть дополнено следующей формулировкой: «Применение сотрудником правоохранительного или иного специального государственного органа оружия, специальных средств, специальной техники или физической силы с нарушением оснований и порядка их применения не может само по себе расцениваться как признак превышения пределов необходимой обороны, если соблюдены иные условия ее правомерности, указанные в ст. 32 УК РК».

2.3 Разграничение убийства при превышении пределов необходимой обороны со смежными составами уголовных правонарушений

Проблема разграничения убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102 УК РК), со смежными составами преступлений имеет существенное значение как для доктрины, так и для практических потребностей квалификации уголовных правонарушений. Ее сложность обусловлена тем, что в реальной жизненной ситуации причинение смерти или вреда здоровью может сопровождаться целым комплексом обстоятельств, среди которых - противоправное поведение потерпевшего, эмоциональное напряжение виновного, внезапность нападения, дефицит времени для оценки обстановки, а также необходимостью защиты собственных или чужих прав. Соответственно, закономерен вывод, что квалификация подобных деяний не может строиться только на факте наступления смерти, т.к. само деяние, приведшее к ее наступлению, может обладать различными объективными и субъективными признаками. Необходимо в каждом случае точно установить, действовало ли лицо в состоянии необходимой обороны, имело ли место превышение ее пределов, находилось ли лицо в состоянии аффекта либо фактически совершило обычное умышленное посягательство на жизнь.

В рамках нормативных конструкций УК РК разграничение указанных составов связано прежде всего со ст.ст. 32, 99, 101, 102, 111 и 112. Так, ст. 32 УК РК закрепляет правомерность причинения вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны при условии, что не было допущено превышения ее пределов; ст. 99 УК РК устанавливает ответственность за убийство как противоправное умышленное причинение смерти другому человеку (так называемое «простое убийство»); ст. 101 УК РК предусматривает ответственность за убийство в состоянии аффекта, а ст. 102 УК РК - за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. В свою очередь, статьи 111 и 112 УК РК позволяют разграничивать причинение вреда здоровью в состоянии аффекта и причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны.

Один из наиболее типичных вариантов разграничения связан с соотношением убийства при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102 УК РК) и простого убийства (ст. 99 УК РК). В обоих случаях речь идет об умышленном причинении смерти, однако юридическая природа деяния различна. При простом убийстве по ст. 99 УК РК причинение смерти изначально является противоправным посягательством на жизнь. При деянии, предусмотренном ст. 102 УК РК поведение лица возникает в рамках оборонительной ситуации, то есть как реакция на общественно опасное посягательство, но затем приобретает уголовно наказуемый характер вследствие явного выхода за пределы допустимой защиты.

Именно поэтому ст. 102 УК РК должна рассматриваться как специальная норма по отношению к ст. 99 УК РК, поскольку она охватывает не любое умышленное лишение жизни, а только такое, которое совершено при наличии состояния необходимой обороны и при явном несоответствии защиты характеру и степени общественной опасности посягательства. В современной литературе по данной проблеме справедливо отмечается, что для верной квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны необходимо, прежде всего, установить, что виновный действительно находился в состоянии необходимой обороны, то есть причинение смерти было связано с защитой личности, прав обороняющегося или других лиц, а также охраняемых законом интересов общества или государства. Так, Э. Ф. Джаббарова прямо указывается: «Для верной квалификации убийства по ч. 1 ст. 108 УК РФ, прежде всего, следует установить, что виновный находился в состоянии необходимой обороны…» [85, с. 81] Несмотря на то что автор анализирует нормы УК РФ, сам критерий полностью применим и к казахстанскому законодательству, поскольку ст. 102 УК РК также предполагает наличие оборонительной ситуации.

Если общественно опасного посягательства не было, если оно уже завершилось либо если виновный фактически использует ссылку на оборону

для оправдания мести, расправы или продолжения бытового конфликта, квалификация по ст. 102 УК РК исключается. В такой ситуации содеянное при наличии умысла на лишение жизни должно оцениваться по ст. 99 УК РК либо по иной норме, если имеются дополнительные квалифицирующие или привилегированные признаки.

Так, в частности, показательным является дело В. Кретова, в рамках которого действия квалифицировались как умышленное убийство по ч. 1 ст. 99 УК РК, однако позднее сторона защиты представила доводы о самообороне, после чего действия были переквалифицированы на ст. 102 УК РК, то есть как убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. В деле фигурировали обстоятельства, которые существенно осложняют разграничение, поскольку погибшему были причинены 16 ножевых ранений, при этом защита ссылалась на нападение потерпевшего с ножом.

Примечательно, что Апелляционная коллегия Алматинского городского суда отменила приговор не из-за самой квалификации, а из-за процессуальных нарушений - вопросы присяжным были поставлены так, что они фактически подтвердили одновременно и версию убийства на почве ссоры, и версию убийства при превышении пределов необходимой обороны, несмотря на их взаимоисключающий характер [86].

П. 9 Нормативное постановление Верховного Суда РК «О применении законодательства о необходимой обороне» разъясняет, что причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны не образует состава уголовного правонарушения, если при этом не было допущено превышения ее пределов [14]. Там же закреплено, что «под превышением пределов необходимой обороны следует понимать умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства» [14]. Это разъяснение имеет ключевое значение для разграничения ст. 102 УК РК и ст. 99 УК РК: при простом убийстве отсутствует правовая основа защиты, тогда как при превышении обороны такая основа первоначально существует, но реализуется недопустимым, чрезмерным способом.

Другим значимым направлением разграничения является соотношение убийства при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102) и убийства в состоянии аффекта (ст. 101). Эти составы имеют внешнее сходство, поскольку в обоих случаях потерпевший нередко сам выступает источником конфликтной ситуации, однако характер такого поведения различен. Для необходимой обороны необходимо общественно опасное посягательство, создающее основание для защиты. Для аффекта значение имеет насилие, издевательство, тяжкое оскорбление, иные противоправные или аморальные действия потерпевшего либо длительная психотравмирующая ситуация.

Главное различие в данном случае состоит в направленности поведения виновного. Если при превышении пределов необходимой обороны лицо действует с целью защиты от посягательства, хотя и избирает явно чрезмерный способ защиты, то при убийстве в состоянии аффекта причинение смерти обусловлено прежде всего внезапно возникшим сильным душевным волнением. Поэтому наличие эмоционального возбуждения само по себе не означает, что содеянное следует квалифицировать по ст. 101 УК РК. Нападение почти всегда сопровождается страхом, гневом, растерянностью или иным эмоциональным состоянием, однако если лицо в этот момент защищается от общественно опасного посягательства, центральным остается именно оборонительный характер поведения. Эта позиция прямо закреплена в казахстанской судебной практике. В п. 19 Нормативного постановления ВС РК указано: «Если виновный превысил пределы необходимой обороны и при этом находился в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противоправными действиями потерпевшего, то деяние следует признавать совершенным при превышении пределов необходимой обороны» [14]. Следовательно, при конкуренции признаков аффекта и превышения пределов обороны приоритет имеет ст. 102 УК РК, если установлено, что причинение смерти произошло именно в оборонительной ситуации.

Изложенная логика соответствует и позициям современных исследователей субъективной стороны убийства при превышении пределов обороны. Так, Е. О. Шкуратов отмечает, что субъективная сторона является ключевой для разграничения правомерной защиты от уголовно наказуемого деяния, а мотив и цель позволяют отграничить убийство при превышении пределов необходимой обороны от общего состава убийства. Автор отмечает, что «субъективная сторона является ключевой для разграничения правомерной защиты от уголовно наказуемого деяния» [87, с. 193].

Несмотря на то, что в рамках исследования акцентируется внимание на составе убийства при превышении пределов необходимой обороны, заслуживает внимания также и разграничение, которое связано с причинением вреда здоровью в состоянии аффекта и причинением тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны. В УК РК это соотношение выражено через ст.ст. 111 и 112. Если тяжкий вред здоровью причинен в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного поведением потерпевшего, но вне ситуации необходимой обороны, речь идет о ст. 111 УК РК. Если же тяжкий вред причинен посягающему лицу в связи с защитой от общественно опасного посягательства, но при явном превышении пределов обороны, применяется статья 112 УК РК.

Таким образом, разграничение ст.ст. 111 и 112 УК РК строится по той же логике, что и разграничение ст.ст. 101 и 102 УК РК. В одном случае центральным признаком является аффект, в другом - оборонительная ситуация и ее превышение. Если лицо действует под влиянием сильного душевного волнения, но не защищается от реального посягательства, применение ст. 112 УК РК невозможно. Если же лицо защищается, но явно превышает пределы защиты, наличие сильного волнения не переводит деяние автоматически в плоскость аффектированного состава.

Особое значение в рамках анализируемого аспекта имеет вопрос о моменте причинения вреда. Для необходимой обороны важно, чтобы посягательство было наличным, то есть уже началось либо непосредственно угрожало началом его осуществления. Соответственно, если опасность миновала, а лицо после этого причиняет смерть или тяжкий вред здоровью потерпевшему, ссылка на необходимую оборону становится сомнительной. В таком случае возможна квалификация по ст.ст. 99, 101 или 111 УК РК в зависимости от наступивших последствий, психического состояния виновного и направленности его умысла

При этом момент причинения вреда нельзя оценивать изолированно. Всегда важно учитывать всю обстановку события: внезапность нападения, интенсивность посягательства, наличие оружия, физическое превосходство нападающего, количество участников конфликта, место, время, возможность избежать вреда и психическое состояние обороняющегося. Н. Н. Турецкий в специально анализирует ситуации превышения пределов необходимой обороны в состоянии страха, испуга и замешательства, связывая их с применением статьи 66 УК РК [88, с. 74] Эти же вопросы раскрываются в работе Ш.Ш. Шаяхметова и Н.Н. Турецкого [89, с. 104] Квалификация деяний, в которых возникает вопрос об их оценке с точки зрения института необходимой обороны, в качестве своей специфики имеет именно тот аспект, что всегда приходится оценивать ситуацию «глазами обороняющегося», что может быть осуществлено на основе оценки и учета типологических психических реакций. В этом и заключается основная проблема института необходимой обороны, когда реально существующая ситуация необходимой обороны в итоге расценивается как уголовно наказуемое деяние, а не правомерное поведение. В этом смысле теоретические аспекты оценки состава убийства при превышении пределов необходимой обороны, а также их разграничения со смежными составами, которые в рамках формально-юридической оценки выглядят логично и убедительно, на практике почти во всех случаях сопровождаются существенными сложностями в оценке [90, с. 45]. Как совершенно справедливо отмечает Э. Ф. Джаббарова, «грань между самообороной и преступным действием очень тонкая и зыбкая» [85, с. 82] Эта цитата хорошо отражает сущность проблемы: даже при наличии

безупречных нормативных критериев суду приходится оценивать конкретную жизненную ситуацию, а не только формальные признаки состава.
И. С. Алексеева, в свою очередь, также подчеркивает, что убийство при превышении пределов необходимой обороны требует разграничения со смежными составами преступлений исключительно на основе анализа конкретных жизненных ситуаций [91, с. 92]. Так, при разграничении ст. 102 УК РК с простым убийством (ст. 99 УК РК) особенно важны мотив и цель. Если лицо изначально стремится защититься от посягательства, но применяет чрезмерный способ защиты, квалификация осуществляется по ст. 102 УК РК. Если же причинение смерти связано с местью, личной неприязнью или иным мотивом, не связанным с защитой, квалификация должна осуществляться по ст. 99 УК РК. Е.О. Шкуратов, отмечает, что именно цель и мотив позволяют отделить убийство при превышении пределов необходимой обороны от убийства, предусмотренного общей нормой об умышленном причинении смерти [92, с. 195]. Аналогично и В. И. Акимочкин указывает на необходимость анализа не только объективной картины конфликта, но и психического отношения лица к содеянному [93, с. 202]. По этой причине автор настаивает на более тщательном анализе психического отношения лица к содеянному для избежания ошибок в судебной практике. Это возвращает к тезису, изложенному в начале данного подраздела: при разграничении ст.ст. 99, 101 и 102 УК РК недостаточно установить факт смерти и предшествующий конфликт; необходимо выявить, каким именно было внутреннее отношение лица к защите, нападению и наступившим последствиям. По этой причине значительный пласт теоретических исследований, посвященных вопросам разграничения убийства при превышении пределов необходимой обороны со смежными составами преступлений, касается именно оценки субъективной стороны и психологического состояния обороняющегося [94, с. 162].
Для более точного разграничения с «аффектированными» составами следует учитывать, что ст. 101 УК РК предполагает не просто эмоциональное возбуждение, а состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения. Современные публикации об ответственности за преступления, совершенные в состоянии аффекта, подчеркивают необходимость отличать уголовно-правовой аффект от иных эмоциональных состояний, а также устанавливать связь между поведением потерпевшего и психическим состоянием виновного. В этом разрезе в практическом плане можно выделить несколько критериев разграничения. Во-первых, сам факт наличия состояния необходимой обороны, поскольку без него невозможна квалификация по ст. 102 или ст. 112 УК РК. Во-вторых, оценке должна подвергаться цель поведения - защита от посягательства либо эмоциональная реакция на поведение потерпевшего. В-третьих, должен также оцениваться момент

причинения вреда - во время наличного посягательства, непосредственно после него или уже после завершения конфликта. В-четвертых, следует анализировать характер поведения потерпевшего – имело ли место общественно опасное посягательство, насилие, оскорбление, аморальное поведение либо длительная психотравмирующая ситуация. В-пятых, оценке подлежит психическое состояние виновного и его способность оценивать характер угрозы. Наконец, в-шестых, требуют учета форма и направленность умысла

Следует также учитывать возможность мнимой обороны, относительно которой Верховный Суд РК разъясняет, что уголовная ответственность за вред, причиненный при мнимой обороне, наступает лишь при наличии специальных условий, то есть когда лицо обоснованно полагало, что действует в состоянии необходимой обороны, но превысило ее пределы, либо когда при должной внимательности могло правильно оценить обстановку и сделать вывод об отсутствии общественно опасного посягательства [14]. Это положение важно для разграничения ст. 102 УК РК с «простым» убийством, поскольку если лицо добросовестно заблуждалось относительно наличия посягательства, то правовая оценка будет иной, чем в случае умышленной расправы под видом обороны.

Отдельного внимания заслуживает разграничение убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102 УК РК), и причинения смерти по неосторожности (ст. 104 УК РК). Уже само законодательное расположение этих норм показывает, что речь идет не просто о различии в последствиях, поскольку в обоих случаях наступает смерть человека, а о различной форме вины, различной субъективной направленности поведения и разной социально-правовой ситуации причинения вреда. Очевидно, что ключевое отличие состоит в форме вины. Так, убийство при превышении пределов необходимой обороны предполагает умышленное причинение смерти посягающему лицу, хотя это причинение и происходит в особой оборонительной ситуации. То есть, исходя из уголовно-правовой аксиомы, виновный осознает, что причиняет вред нападающему, понимает чрезмерность избранного способа защиты либо, по крайней мере, сознательно допускает наступление смерти, но его поведение все еще сохраняет связь с защитой от общественно опасного посягательства. При причинении смерти по неосторожности, напротив, отсутствует умысел на лишение жизни, поскольку лицо либо предвидит возможность наступления смерти, но легкомысленно рассчитывает ее предотвратить, либо не предвидит такого последствия, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло его предвидеть.

Именно поэтому для разграничения ст. 102 и ст. 104 УК РК недостаточно установить, что смерть наступила в обстановке конфликта или самообороны.

В каждом отдельно взятом случае необходимо установить, каким было психическое отношение лица к наступившему результату. Если обороняющийся применяет явно чрезмерное насилие, осознавая возможность наступления смерти и допуская ее, содеянное может быть квалифицировано по ст. 102 УК РК. Когда же смерть наступает в результате неосторожного поведения лица, которое не было направлено на лишение жизни и не сопровождалось сознательным допущением смертельного исхода, вопрос должен решаться в плоскости ст. 104 УК РК. В этом смысле ст. 102 УК РК не может применяться только потому, что событие внешне связано с обороной; необходимо доказать именно умышленный характер причинения смерти.
В п. 9 цитируемого нормативного постановления ВС РК «О применении законодательства о необходимой обороне» указано, что превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства. Следовательно, если вред посягающему причинен неумышленно, сама конструкция превышения пределов необходимой обороны в смысле ст. 102 УК РК становится невозможной. В таких ситуациях правоприменитель должен оценивать, имелась ли вина в форме неосторожности и охватывается ли содеянное статьей 104 УК РК. Однако подобная квалификация может иметь место только в том случае, если имело место состояние необходимой обороны, поскольку, исходя из социального содержания права на необходимую оборону, уголовно наказуемыми являются только самые тяжелые случаи причинения физического вреда и только те, которые сопряжены с умышленной формой вины.
Здесь будет не лишним отметить, что как состав убийства при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102), так и состав неосторожного причинения смерти (ст. 104) являются достаточно сложными в практическом применении. Казахстанский исследователь К. А. Бакишев при анализе состава причинения смерти по неосторожности по ст. 104 УК РК указывает, что следственная и судебная практика испытывает серьезные затруднения при квалификации этого деяния, особенно по субъективным признакам [95, с. 106]. В частности, примечателен пример уголовного дела в отношении А. Кузнецова, которого районный суд № 2 г. Алматы первоначально признал виновным по ст. 104 УК РК, то есть за причинение смерти по неосторожности и назначил 1,5 года лишения свободы. При этом сам Кузнецов настаивал, что речь шла о самообороне, поскольку потерпевший напал с ножом. В дальнейшем апелляционная судебная коллегия Алматинского городского суда установила иные обстоятельства и квалифицировала действия по ч. 3 ст. 106 УК РК как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего. В материалах СМИ также указано, что А. Кузнецов просил Верховный Суд о

пересмотре и переквалификации на ст. 102 УК РК, но Верховный Суда отказал в пересмотре приговора [96].

Как и в предыдущих сопоставительных оценках, в данном случае разграничение может быть проведено на базе нескольких последовательных критериев. Во-первых, сам факт наличия состояния необходимой обороны: если оно отсутствовало, то ст. 102 УК РК однозначно применяться не может. Однако, как уже было отмечено, наличие оборонительной ситуации еще не означает автоматического применения ст. 102 УК РК, поскольку необходимо установить также превышение ее пределов и умышленное причинение смерти. Во-вторых, оценке должен подвергаться характер действий обороняющегося. В частности, в случаях, когда лицо наносит удар, производит выстрел или совершает иное действие, объективно направленное на причинение смертельного вреда, и осознает возможность такого результата, речь может идти о ст. 102 УК РК (если, конечно же, имела место сама ситуация необходимо обороны). Если же смерть наступает вследствие неосторожного обращения с предметом, ошибочной оценки силы воздействия, падения потерпевшего, случайного развития событий либо иных обстоятельств, не охваченных умыслом виновного, более вероятной становится ст. 104 УК РК

В-третьих, следует особенно тщательно оценивать отношение лица к наступившей смерти. Как уже неоднократно указывалось, для ст. 102 УК РК характерно, что виновный осознает причинение чрезмерного вреда посягающему и желает либо сознательно допускает наступление его смерти. Для ст. 104 УК РК характерно отсутствие такого желания и сознательного допущения. Здесь принципиально важно отличать ситуацию, когда лицо не хотело смерти, но сознательно допускало ее наступление, от ситуации, когда оно лишь проявило преступную самонадеянность или небрежность. В первом случае возможна квалификация по ст. 102 УК РК; во втором может быть применена только ст. 104 УК РК. В-четвертых, должна оцениваться степень очевидности опасности избранного способа защиты. То есть в случаях, когда обороняющийся применяет нож, огнестрельное оружие, наносит множественные удары в жизненно важные органы, сбрасывает нападающего с высоты или совершает иные действия, очевидно способные повлечь смерть, вывод об умышленном отношении к смертельному исходу становится практически очевидным. Если же вред причинен действием, которое обычно не воспринимается как смертельно опасное, а смерть наступила вследствие индивидуальных особенностей потерпевшего, случайного стечения обстоятельств или неудачного падения, требуется особенно осторожно решать вопрос о форме вины. В данной ситуации даже может реально иметь место ситуация необходимой обороны, однако сам факт неосторожного

отношения к смерти будет исключать возможность признания соответствующего поведения в качестве уголовного наказуемого.
В-пятых, оценивается содержание защитной цели, поскольку при убийстве при превышении пределов необходимой обороны лицо действует для пресечения посягательства, но избирает чрезмерный способ защиты. В контексте ст. 104 УК РК смерть может наступить в ситуации, где лицо также стремилось защититься, однако не осознавало и не допускало смертельный результат. Таким образом, в данном случае следует произвести весьма значимое уточнение: защитная цель не исключает ни ст. 102, ни ст. 104 УК РК, а разграничение проводится не по самой цели защиты, а по тому, охватывалась ли смерть умыслом лица.
В анализируемом аспекте важно учитывать ранее процитированный п 19 Нормативного постановления Верховного Суда РК, согласно которому если лицо превысило пределы необходимой обороны и одновременно находилось в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противоправными действиями потерпевшего, содеянное признается совершенным при превышении пределов необходимой обороны. Однако данное правило применимо именно тогда, когда имеется умышленное превышение, когда же смерть наступила по неосторожности, сильное душевное волнение может иметь значение для оценки фактической обстановки, но само по себе не преобразует неосторожное причинение смерти в убийство при превышении пределов необходимой обороны.
Следовательно, при разграничении ст. 102 и ст. 104 УК РК необходимо избегать двух крайностей. Первая состоит в том, чтобы всякую смерть, наступившую в условиях обороны, автоматически оценивать как убийство при превышении пределов необходимой обороны, поскольку такой подход игнорирует необходимость установления умысла. Вторая крайность заключается в том, чтобы ссылкой на эмоциональное состояние, внезапность нападения или отсутствие желания смерти необоснованно переводить умышленное причинение смерти в плоскость неосторожности. Здесь важно учитывать, что отсутствие желания смерти не всегда означает отсутствие умысла, поскольку если лицо сознательно допускало смертельный исход, речь идет не о неосторожности, а об умышленной форме вины.
Таким образом, резюмируя теоретические вопросы, исследованные в данном подразделе, можно повести следующие основные итоги. Разграничение убийства при превышении пределов необходимой обороны со смежными составами должно основываться не на одном изолированном признаке, а на совокупной оценке фактической и правовой ситуации. Ключевым исходным критерием выступает наличие состояния необходимой обороны: если лицо действовало в связи с реальным общественно опасным посягательством, но явно вышло за пределы допустимой защиты, содеянное может быть

квалифицировано по ст. 102 УК РК. Именно этим данный состав отличается от «простого» убийства по ст. 99 УК РК, где отсутствует оборонительная ситуация и защитная направленность поведения. От убийства в состоянии аффекта по ст. 101 УК РК рассматриваемый состав отличается тем, что при превышении пределов обороны центральным остается не «эмоциональный взрыв» как таковой, а причинение вреда в процессе защиты. Поэтому даже сильное душевное волнение, вызванное противоправными действиями потерпевшего, не исключает квалификации по ст. 102 УК РК, если смерть причинена в условиях превышения необходимой обороны.

При разграничении со смежными составами против здоровья и с неосторожным причинением смерти решающее значение приобретают характер наступивших последствий и форма вины. Если при превышении пределов необходимой обороны причинен тяжкий вред здоровью, но смерть не наступила, содеянное должно оцениваться по ст. 112 УК РК; если же тяжкий вред причинен вне оборонительной ситуации, но в состоянии аффекта, применима ст. 111 УК РК. В свою очередь, отличие ст. 102 УК РК от причинения смерти по неосторожности по ст. 104 УК РК заключается прежде всего в субъективной стороне - при убийстве в условиях превышения обороны смерть охватывается умыслом виновного, тогда как при неосторожном причинении смерти лицо не желает и не допускает смертельного результата, хотя предвидит либо должно было предвидеть возможность его наступления. Следовательно, правильная квалификация требует установления реальности посягательства, момента причинения вреда, цели действий виновного, его мотива, психоэмоционального состояния, направленности умысла и степени соответствия защиты характеру и опасности нападения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что уголовно-правовая оценка убийства при превышении пределов необходимой обороны по ст. 102 УК РК относится к числу наиболее сложных и в теоретическом, и в практическом отношении вопросов современного уголовного права. Несмотря на лаконичность законодательной формулы, соответствующий состав не может быть правильно понят и применен вне системной связи со ст. 32 УК РК, поскольку его конструктивную основу образует не сам факт причинения смерти посягающему, а установление того, что летальный исход для посягающего наступил именно в ситуации выхода за пределы допустимой обороны. Иначе говоря, ст. 102 УК РК представляет собой производную уголовно-правовую конструкцию, смысл которой раскрывается исключительно через институт необходимой обороны, его цели, пределы, условия правомерности и критерии превышения. Именно поэтому центральная проблема квалификации заключается не в фиксации результата в виде смерти нападавшего, а в определении того, сохраняла ли защита на соответствующий момент свой правомерный характер либо уже утратила его.

В работе получил подтверждение тот факт, что одной из главных причин сохраняющихся правоприменительных трудностей выступает неверная расстановка исходных критериев. В реальной практике причинение смерти посягающему по-прежнему слишком часто воспринимается как обстоятельство, само по себе требующее поиска признаков превышения пределов необходимой обороны, тогда как логика уголовного закона предполагает иное - первоначально должно исследоваться наличие общественно опасного посягательства, характер угрозы, обстановка конфликта, восприятие опасности обороняющимся и только после этого должен подвергаться оценке вопрос о том, являлись ли его действия явно чрезмерными. Подобный обвинительный уклон приводит к тому, что институт необходимой обороны перестает восприниматься как действенный механизм защиты личности, а сама возможность его реализации начинает ассоциироваться у граждан прежде всего с риском последующего уголовного преследования. В результате снижается не только реальная защищенность лица, подвергшегося посягательству, но и превентивное значение института необходимой обороны в целом.

Исследование позволило установить, что в казахстанском уголовном праве сохраняется заметное противоречие между общей направленностью нормы о необходимой обороне, ориентированной на защиту обороняющегося, и рядом законодательных и правоприменительных решений, фактически сужающих сферу ее действия. Эволюция ст. 32 УК РК в нормах казахстанского уголовного закона показывает, что законодатель последовательно стремился конкретизировать параметры правомерной защиты и расширять перечень

ситуаций, в которых причинение даже весьма существенного вреда посягающему не должно расцениваться как превышение. Вместе с тем уже при принятии УК РК 2014 года произошла заметная корректировка, связанная с заменой более широкой формулы о применении оружия либо иных предметов и средств, представляющих угрозу жизни или здоровью, на указание на посягательство, сопряженное с вооруженным нападением. Такое решение нельзя признать бесспорным, поскольку оно объективно сужает диапазон допустимой защиты в тех ситуациях, где опасность создается не классическим «вооруженным» способом, а за счет использования любых подручных предметов, что особенно характерно для семейно-бытового насилия. Следовательно, действующая редакция ст. 32 УК РК не во всех аспектах обеспечивает тот уровень уголовно-правовой защиты обороняющегося, который должен вытекать из природы данного института.
В теоретическом плане в работе подтверждено, что категория превышения пределов необходимой обороны не может сводиться к механическому сопоставлению вреда нападения и вреда защиты. Подход, при котором правомерность обороны оценивается исключительно через сопоставительное соотношение последствий, упускает сущностные параметры оценки - внезапность, интенсивность нападения, численное и физическое превосходство посягающего, реальность угрозы, возможность быстрого развития событий, а также ограниченность времени на принятие решения. Для уголовно-правовой оценки существенно не то, был ли причиненный вред формально «больше» предотвращенного, а то, была ли избранная форма защиты объективно необходимой для пресечения конкретного общественно опасного посягательства. Именно в этом заключается одно из фундаментальных различий между необходимой обороной и иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Причинение смерти посягающему в рамках обороны не должно автоматически расцениваться как эксцесс, так как решающее значение имеет не итоговый результат, а обоснованность и необходимость соответствующей защитительной реакции в конкретной обстановке.
Самостоятельный блок выводов в исследовании касается временных границ состояния необходимой обороны. В работе показано, что наиболее проблемными остаются вопросы о моменте возникновения права на оборону, его сохранении в условиях временного ослабления нападения и моменте прекращения посягательства. Позиция, при которой право на защиту связывается только с уже начавшимся причинением вреда, является чрезмерно узкой и не соответствует ни смыслу закона, ни нормативному толкованию Верховного Суда РК, допускающему оборону и при наличии реальной угрозы посягательства. Не менее значим и противоположный вопрос: когда посягательство считается оконченным. Формально-

юридический подход, отождествляющий окончание состояния необходимой обороны с внешне наблюдаемым прекращением активных действий нападавшего, способен порождать квалификационные ошибки, особенно в случаях длящихся и продолжаемых посягательств, временной паузы в насилии, перехода орудия нападения к обороняющемуся или сохранения очевидной угрозы немедленного продолжения агрессии. В этих ситуациях правовое значение должен иметь не абстрактный юридический момент завершения посягательства, а реальное исчезновение опасности. Отсюда вытекает необходимость более детального отражения в Нормативном постановлении Верховного Суда РК специальных разъяснений применительно к продолжаемым и длящимся посягательствам.
Отдельный вывод исследования связан с проблемой законодательной терминологии. В работе обосновано, что термин «убийство» применительно к ст. 102 УК РК не является безупречным. Если исходить из того, что убийство есть противоправное умышленное причинение смерти, то использование данного термина в ситуации превышения пределов необходимой обороны недостаточно точно отражает природу соответствующего деяния. Здесь причинение смерти совершается не в обычной ситуации насильственного посягательства со стороны виновного, а в обстановке обороны, при защитительной мотивации и вынужденной вовлеченности лица в насильственную ситуацию. Умысел обороняющегося, как правило, направлен прежде всего на пресечение посягательства и устранение опасности, а не на лишение жизни нападающего. В этой связи более корректной с технико-юридической точки зрения представляется формула «умышленное причинение смерти при превышении пределов необходимой обороны». Такой подход позволяет точнее передать привилегированный и производный характер рассматриваемого состава.
Значительный научный и прикладной интерес представляет исследованный в работе вопрос о праве на необходимую оборону сотрудников органов внутренних дел. Установлено, что наличие у сотрудника ОВД специального служебного статуса не устраняет и не ограничивает его уголовно-правовое право на необходимую оборону, поскольку ст. 32 УК РК прямо закрепляет равенство всех лиц в праве на защиту независимо от профессиональной подготовки и служебного положения. Следовательно, специальные правила законодательства о правоохранительной службе, регулирующие порядок применения силы, специальных средств и оружия, не могут автоматически сокращать объем прав, гарантированных уголовным законом. Нарушение таких правил может влечь дисциплинарную либо иную служебную ответственность, но не должно само по себе рассматриваться как признак превышения пределов необходимой обороны. В противном случае универсальный характер ст. 32 УК РК был бы фактически подменен

ведомственными регламентами. Отсюда следует практическая необходимость дополнения Нормативного постановления Верховного Суда РК разъяснением о том, что нарушения специального порядка применения силы сотрудником правоохранительного органа не образуют автоматически состава ст. 102 или 112 УК РК, если иные условия правомерности обороны соблюдены.
Особое место в исследовании заняла проблема причинения смерти при превышении пределов необходимой обороны в обстановке семейно-бытового насилия. Анализ статистических данных, научных публикаций и судебных кейсов позволил установить, что именно в данной сфере институт необходимой обороны сталкивается с наиболее выраженными трудностями практической реализации. Семейно-бытовое насилие характеризуется цикличностью, нарастанием агрессии, накоплением страха, тревожного ожидания нового эпизода и высокой зависимостью конкретного конфликта от предшествующей истории отношений между сторонами. В этой связи оценка одного лишь эпизода без учета фона систематического насилия не позволяет достоверно установить, в каких условиях принималось решение об обороне, насколько опасным воспринималось нападение и имелись ли у обороняющегося реальные альтернативы менее интенсивной защите.
Особенно значимым является выявленный в работе факт, что доля женщин среди лиц, привлекаемых за причинение смерти и тяжкого вреда здоровью в состоянии обороны, существенно превышает средние показатели женской насильственной преступности, при этом потерпевшими в соответствующих случаях практически всегда оказываются мужчины. Это дает основания предполагать, что в массиве таких дел имеется значительное количество эпизодов, связанных именно с семейно-бытовым насилием и недостаточным учетом предшествующей виктимизации оборонявшегося лица.
Именно в этой связи в работе сделан вывод о необходимости более последовательного учета страха, испуга и замешательства при уголовно-правовой оценке оборонительного поведения. Существующая модель, закрепленная в ст. 66 УК РК, предусматривает лишь возможность освобождения от уголовной ответственности вследствие таких состояний, оставляя вопрос на усмотрение правоприменителя. Однако сравнительно-правовой анализ показывает, что в ряде зарубежных уголовных кодексов соответствующие эмоциональные состояния рассматриваются как обстоятельства, исключающие наказуемость более определенно и последовательно. Применительно к семейно-бытовому насилию эта проблема приобретает особую остроту, поскольку страх, испуг и замешательство здесь могут быть не разовой реакцией на внезапный эпизод, а итогом длительного предшествующего насилия. Поэтому предложение о дополнении ч. 3 ст. 32 УК РК указанием на то, что причинение вреда вследствие страха, испуга и замешательства не является превышением необходимой обороны,

представляется теоретически обоснованным и практически значимым. Одновременно оправдано и предложение об исключении ст. 66 УК РК как избыточной конструкции, переносящей вопрос из плоскости исключения преступности деяния в плоскость факультативного освобождения от ответственности.

Список использованных источников

1. Об утверждении Концепции по продвижению в обществе идеологии закона и порядка на 2025 – 2030 годы: Постановление Правительства Республики Казахстан от 1 апреля 2025 года № 200 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P250000020 (дата обращения: 18.03.2026)
2. Разгильдиев Б.Г. Общественно полезное деяние, предусмотренное УК // Законность. - 1993. - № 12. - С. 18-21.
3. Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. – СПб.: Юрид. центр Пресс., 2004. - 214 с.
4. Меркурьев В.В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис… канд. юрид наук. – Рязань, 1998. – 27 с.
5. Меркурьев В.В. Теоретические и методологические проблемы уголовно-правового обеспечения права человека на гражданскую самозащиту: автореф. дис…д-ра юрид наук. – Рязань, 2006. – 55 с.
6. Уголовный кодекс Республики Казахстан 1997 г. № 167 // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1997 г. - № 15-16. - Ст. 211 (утратил силу)
7. О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2002 года № 363-II // «Юридическая газета» от 15 января 2003 года № 15.
8. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной деятельности и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства: Закон Республики Казахстан от 9 ноября 2011 года № 490-IV // «Казахстанская правда» от 15.11.2011 г., № 363-364 (26754-26755).
9. Баранова Е.А. Институт необходимой обороны в уголовном законодательстве Республики Казахстан // Вестник института: преступление, наказание, исправление. - 2010. - С. 69-72.
10. Уголовный кодекс Республики Казахстан 2014 г. № 226-V // «Казахстанская правда» от 09.07.2014 № 132 (27753).
11. Щепельков В.Ф. Особенности применения норм о необходимой обороне по делам о домашнем насилии // Криминалистъ. - 2021. - № 3 (36). - С. 48-56.
12. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования порядка прохождения правоохранительной службы, повышения правовой и социальной защищенности и ответственности сотрудников правоохранительных, специальных государственных органов и

военнослужащих, межведомственной координации, самостоятельности органов внутренних дел, усиления ответственности за отдельные уголовные правонарушения и оборота оружия: Закон Республики Казахстан от 11 июля 2022 года № 136-VII // «Казахстанская правда», 12.07.2022, 130 (29757).
13. Проекты Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов с позиции Исидора Борчашвили [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://journal.zakon.kz/4601345-proekty-ugolovnogo-i.html (дата обращения: 21.02.2026).
14. О применении законодательства о необходимой обороне: Нормативное постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 11 мая 2007 года // «Казахстанская правда» от 31 мая 2007 года N 81 (25326)
15. Жолжаксынов Ж.Б. Насильственны преступления и пути их предупреждения: дис…д-ра PhD, Караганда, 2019. - 216 с.
16. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 267 с.
17. Абдрахманова С.А. Особенности формирования и развития казахского права «Жеті Жарғы» // The World Of Science and Education. – 2024. - № 4. – С. 19-21.
18. Законы хана Тауке. История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Том 2. Алма-Ата, Наука, 1979. – 424 с.
19. Русская правда (пространная редакция) [Электронный ресурс] – Редим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения 15.01.2026).
20. Соборное Уложение 1649 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/ (дата обращения 14.01.2026).
21. Артикул воинский 1715 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://constitutions.ru/?p=21225 (дата обращения: 13.01.2026).
22. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845 (дата обращения: 14.01.2026).
23. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ.. - Неофиц. изд. - Санкт-Петербург: кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. – 253 с.
24. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Постановление НКЮ от 12 декабря 1919 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://istmat.org/node/38888 (дата обращения: 01.02.2026).

25. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: принят Постановлением ВЦИК 1 июня 1922 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 10.02.2026)
26. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: принят Постановлением ВЦМК от 22 ноября 1926 года «О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» // СУ РСФСР. – 1926. - № 80. - Ст. 600.
27. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4905 (дата обращения: 02.02.2026).
28. Уголовный Кодекс Казахской ССР от 22 июля 1959 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1004273 (дата обращения: 12.01.2026).
29. О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г. № 8. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=41744#FtWDsnUC6yBmxVH21 (дата обращения: 10.01.2026).
30. Об усилении ответственности за хулиганство: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5362-VI [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=11549#VMBEsnUca6lhg2401 (дата обращения: 09.02.2026).
31. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/2540800/ (дата обращения: 11.03.2026).
32. Орешкина Т. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Уголовное право. - 2013. - № 2. - С. 23-28.
33. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.Б. Виноградова. - 4-е изд., доп. - М. : Азбуковник, 1997. – 939 с.
34. Цит. по: Сулейманова С.Т. Институт необходимой обороны в уголовном праве Канады //Черные дыры в российском законодательстве. - 2013. - № 4. - С. 60-62.
35. Звечаровский И. Кому необходима необходимая оборона? // Уголовное право. - 2013. - № 1. - С. 28-30.

36. Есаков Г. Использование предохранительных устройств при защите имущества и необходимая оборона // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 17-23.
37. Мартыненко Н.Э. Необходимая оборона: проблемы ее законодательного установления и практического применения. //Труды Академии управления МВД России. - 2022. - № 3 (63), - С. 100–108.
38. Щепельков В.Ф. Отчет о мониторинге судебной практики применения в 2019 году ч. 1 ст. 108 УК РФ (Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны) по делам о домашнем насилии [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://spbu.ru/sites/default/files/shchepelkov_otchet_po_monitoringu_primeneniya_ch._1_st._108_uk_rf.pdf. (дата обращения: 20.03.2026).
39. Малкин В.Р. Причинение вреда в условиях необходимой обороны. Уголовно-правовая доктрина и проблемы квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. - № 2 (90). - С. 91–98.
40. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник /Никулин С.И. под. ред. А. И. Рарога. -10-е изд., перераб. и доп. - Москва: Проспект, 2020. – 544 с.
41. Дмитренко А.П., Сарницкий С.Н. Объективные и субъективные критерии, определяющие моменты начала и окончания состояния необходимой обороны, при защите от длящихся и продолжаемых общественно опасных посягательств // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. - № 7. – С. 112-117.
42. Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: проблемы применения нормы о необходимой обороне // Вестник Волгоградской академии МВД России. -2019.-№ 1 (48). - С. 57-64.
43. Боев Д. В. Критерии, определяющие моменты начала и окончания состояния необходимой обороны // Проблемы экономики и юридической практики. - 2024. - Т. 20. - № 1. С. 108–111.
44. Егорова Н., Гордейчик С. Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление // Законность. – 2013. – № 2 (940) – С. 15-20.
45. Горобцова Ю. О. Совершенствование уголовного законодательства за неосторожное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью с выделением квалифицирующего признака // Криминологический журнал. - 2023. - № 3. - С. 49-56.
46. Сидоров Б. В., Бабичев А. Г. Особенности ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны: законодательные основания ее смягчения и вопросы совершенствования уголовного закона // Вестник экономики, права и социологии. - 2014. - № 4. - С. 176-185.

47. Винник С. В. К вопросу об уголовно-правовой характеристике преступлений, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. - № 11. – С. 78-82.
48. Лихачева О.В. Некоторые аспекты криминологического понятия насильственного преступления, совершаемого в сфере семейных отношений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2008. - № 2. – С. 36-41.
49. Приговор Специализированного межрайонного суда по уголовным делам Актюбинской области от 28 марта 2022 года по делу №1598-22-00-1/8
50. Гришко Н.А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере: автореф. дис…канд. юрид наук. – Грозный, 2019. – 28 с.
51. Приговор от 13 мая 2021 года по делу №3571-21-00-1/31
52. Третьяков А.С. Уголовно-правовая превенция тяжких насильственных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2004. - 203 с.
53. Косарев А.В. Актуальные проблемы института необходимой обороны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Ростов-на-Дону, 2001. - 29 с.
54. Заря А.В. Условия и пределы правомерности необходимой обороны по уголовному праву России: автореф. дис…канд. юрид наук. – М., 2009. – 25 с.
55. Атабаева Т.Ш. Необходимая оборона: теория, законодательство, практика применения: автореф. дис…канд. юрид. наук. – 23 с.
56. Лукки Е.В. Необходимая оборона при посягательствах на членов семьи: уголовно-правовые и криминологические аспекты: атореф. дис…канд. юрид наук. – Краснодар, 2019. – 30 с.
57. Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис…д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 59 с.
58. Симашенков П. Д. Необходимая оборона как конфликт интересов: исторический опыт и новые подходы к квалификации // Концепт. – 2015. – № 06 (июнь) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://e-koncept.ru/2015/15202.htm. (дата обращения: 19.03.2026)
59. Барсукова Р.А., Карипова А.И. Учет страха, испуга и замешательства как необходимое условие освобождения от уголовной ответственности // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ) – 2019. - № 12 (69). – С. 59-63.
60. Уголовный кодекс Германии (по сост. на 01.05.2023) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://constitutions.ru/?p=24969 (дата обращения: 19.02.2026).
61. Уголовный кодекс Швейцарии от 21 декабря 1937 г. (по сост. на 01.07.2020 г.) (на немецком языке) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20007 (дата обращения: 19.02.2026).

62. Уголовный кодекс Республики Польша от 6 июня 1997 года (по сост. на 23.01.2023) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://prawnikpoznanski.pl/ru/ (дата обращения: 14.03.2026).
63. Уголовный кодекс Латвийской Республики от 17 июня 1998 года (по сост. на 02.02.2021) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/582008 (дата обращения: 04.03.2026).
64. Дядюн К.В. К вопросу о критериях правомерности необходимой обороны // Universum: экономика и юриспруденция. – 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kriteriyah-pravomernosti-neobhodimoy-oborony (дата обращения: 10.03.2026)
65. Бабурин В. В., Черемнова Н. А. Значение положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 для действий сотрудников органов внутренних дел в состоянии необходимой обороны //Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2014. - № 2. - С. 42-51.
66. Об органах внутренних дел Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 года № 199-V ЗРК // «Казахстанская правда» от 25.04.2014 г. № 80 (27701)
67. О правоохранительной службе: Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV // «Казахстанская правда» от 19.01.2011 г., № 17-18 (26438-26439)
68. Энциклопедия уголовного права. Т. 7. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб: СПб ГКА, 2007. - 722 с.
69. Перцев Д. В. Необходимая оборона: вопросы теории и судебной практики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. - 2016. - № 4. - С. 36-41.
70. Бытко Ю. И. Закон против «майдана» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3. С. 220-230.
71. Бикмашев В. А. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: надежды и разочарования // Современные проблемы уголовной политики: материалы III междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. Н. Ильяшенко. - Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2012. - С. 281-287.
72. Гончар В. В. Некоторые аспекты реализации права на необходимую оборону // Вестник Московского ун-та МВД России. - 2014. - № 8. - С. 62-67.
73. Лопашенко Н. А. Убийства. М.: Юрлитинформ, 2013. - 544 с.
74. Попов А. Н. О применении законодательства о необходимой обороне в новых разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.procuror.spb.ru/k1103.html (дата обращения: 09.03.2026).

75. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / под ред. О. С. Капинус. М.: Проспект, 2016. - 488 с.
76. Гончар В. В. Особенности реализации права на необходимую оборону сотрудниками правоохранительных органов // Современная наука. - 2014. - № 3. - С. 4-8.
77. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / С. В. Борисов [и др.]. М.: Юриспруденция, 2012. – 189 с.
78. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 09.03.2026)
79. Кузьменков В. А., Рудакова Ю. С. Необходимая оборона в деятельности сотрудника полиции: правовые, философские и ценностные аспекты // Философия права. - 2018. - № 1. - С. 22-27.
80. Волков К. А. Деятельность полиции по противодействию преступности: коллизионные проблемы правового регулирования необходимой обороны и уголовно-правового задержания // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2013. - № 2. - С. 81-87.
81. Кокорин Д. Л. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в деятельности полиции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. - 2016. - № 2. - С. 143-145.
82. Хун А. З. Проблемы правового регулирования необходимой обороны в деятельности полиции // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2015. - № 4. - С. 84-87.
83. Сотрудник полиции осужден за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vs.kalm.sudrf.ru/ modules.php?name=press_dep&op=1&did=596 (дата обращения: 09.03.2026)
84. В Железнодорожном районе расследуется уголовное дело в отношении сотрудника полиции, подозреваемого в убийстве молодого человека // URL: http://buryatia.sledcom.ru/news/item/904676/ (дата обращения: 28.02.2026).
85. Джаббарова Э. Ф. Проблемные аспекты квалификации убийства при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ) // Молодой ученый. - 2022. - № 40 (435). - С. 80–83.
86. 2 года за 16 ножевых ранений: апелляционная коллегия отменила приговор суда [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://orda.kz/2-goda-

za-16-nozhevyh-ranenij-apellyaczionnaya-kollegiya-otmenila-prigovor-suda/ (дата обращения: 11.02.2026)
87. Шкуратов Е. О. К вопросу об особенностях субъективной стороны убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны // Молодой ученый. - 2026. - № 15 (618). - С. 193-196.
88. Турецкий Н. Н. Необходимая оборона в состоянии страха или испуга // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. - 2017. - № 2. - С. 74–80.
89. Шаяхметов Ш. Ш., Турецкий Н. Н. Необходимая оборона: монография. Алматы: Норма-К, 2018. - 192 с.
90. Бекмагамбетов А. Б., Ревин В. П., Ревина В. В. Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2017. - 395 с.
91. Алексеева И. С. Особенности уголовно-правовой оценки убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны // Вестник Российского университета кооперации. - 2018. - № 2 (32). - С. 92–96
92. Шкуратов Е. О. К вопросу об особенностях субъективной стороны убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны // Молодой ученый. - 2026. - № 15 (618). - С. 193-196.
93. Акимочкин В. И. Убийство при превышении пределов необходимой обороны: анализ субъективной стороны // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. - 2020. - № 1 (834). – С. 201-208.
94. Шутов М. В. Уголовная ответственность за убийство при превышении мер необходимой обороны: вопросы теории и практики // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ» - 2025. - № 4 (85) Том 1. – С. 161-166.
95. Бакишев К. А. Причинение смерти по неосторожности (ст. 104 УК РК): юридический анализ // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2023. - Т. 106. - № 2. - С. 104-112.
96. Суд по делу А.Кузнецова набирает обороты - свидетели «проливают свет» на факты [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.zakon.kz/proisshestviia/4768412-sud-po-delu-a.kuznecova-nabiraet.html (дата обращения: 09.02.2026)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

АКАДЕМИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

АЛГОРИТМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО АСПЕКТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО СОВЕРШЕННОЕ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

г.Косшы - 2026

УДК
ББК
Н

Рецензенты:
Касенов Кайрат Серикбаевич – старший следователь по особо важным делам Управления зонального контроля Следственного департамента МВД РК.

Автор:
Куандык Сабыржан Утепбергенулы – магистрант Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан.

Алгоритм квалификации ответственности за убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны — Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2026 г.

Настоящий алгоритм разработан для оказания помощи органам досудебного расследования, прокурорам и судьям при квалификации деяний, связанных с ответственности за убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны.

Рекомендован для сотрудников органов прокуратуры, органов досудебного расследования, судей, преподавателей и слушателей Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

УДК

ББК

Н

Рекомендовано к опубликованию решением Учебно-методического совета Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (протокол № от ___ _____2026 г.).

ISBN

©Академия правоохранительных органов, 2026
© Куандык С.У., 2026

Содержание

Введение
……..……4-5
Алгоритм квалификации ответственности за убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны
……...6-8

В алгоритме использованы следующие сокращения:

УК РК - Уголовный кодекс Республики Казахстан
УПК РК - Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан

ВВЕДЕНИЕ

Институт необходимой обороны занимает особое место в системе уголовно-правовых средств защиты личности, общества и государства, выступая одной из ключевых гарантий реализации конституционного права граждан на защиту жизни, здоровья и иных охраняемых законом интересов. Его значение обусловлено тем, что в условиях внезапного общественно опасного посягательства именно необходимая оборона зачастую является единственным доступным и эффективным способом предотвращения причинения тяжкого вреда либо лишения жизни.

Вместе с тем правоприменительная практика Республики Казахстан свидетельствует о том, что вопросы квалификации деяний, совершённых в состоянии необходимой обороны, остаются одними из наиболее сложных и противоречивых в уголовном праве. Особую проблематику представляет оценка состава убийства, совершённого при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102 УК РК), поскольку данная категория дел находится на стыке правомерного защитного поведения и уголовно наказуемого причинения вреда.

Актуальность исследования обусловлена тем, что при квалификации действий обороняющегося лица нередко допускается обвинительный уклон, выражающийся в чрезмерно формальной и ретроспективной оценке защитных действий без должного учёта конкретной обстановки посягательства, психоэмоционального состояния лица, а также вынужденного характера причинённого вреда. В результате возникает риск необоснованной криминализации поведения лица, которое изначально не имело волевого стремления к нарушению уголовно-правовых запретов и было вовлечено в ситуацию обороны помимо своей воли.

Необходимая оборона по своей правовой природе представляет собой вынужденное насилие, источником которого выступает посягающее лицо. В таких условиях обороняющийся вынужден принимать решения в обстановке внезапности, дефицита времени и реальной угрозы причинения тяжкого вреда либо смерти. Это принципиально отличает ситуации необходимой обороны от иных форм уголовно наказуемого насилия и требует особого, дифференцированного подхода к их уголовно-правовой оценке.

Дополнительную актуальность теме придаёт тот факт, что чрезмерно строгая и формализованная практика оценки правомерности необходимой обороны способна негативно влиять на превентивный потенциал данного института. Опасения граждан относительно возможных уголовно-правовых последствий реализации права на необходимую оборону формируют тенденцию к пассивному поведению даже в ситуациях, когда требуется защита не только собственных прав, но и прав третьих лиц. Это, в свою очередь, противоречит задачам обеспечения общественной безопасности и принципам социальной справедливости.

Особого внимания заслуживают также вопросы терминологической и содержательной корректности состава преступления, предусмотренного ст. 102 УК РК, в частности использование категории «убийство» применительно к деяниям, совершённым в условиях вынужденной обороны. Анализ субъективной стороны данных деяний показывает, что мотивация обороняющегося существенно отличается от классического умысла на лишение жизни, что требует углублённого научного осмысления.

Актуальность исследования усиливается и необходимостью учёта современных социально-правовых реалий, включая распространённость семейно-бытового насилия, гендерную специфику ситуаций необходимой обороны, а также зарубежный опыт уголовно-правового регулирования, в рамках которого превышение пределов необходимой обороны во многих государствах не влечёт уголовной ответственности.

В совокупности указанные обстоятельства свидетельствуют о высокой теоретической и практической значимости исследования уголовно-правовых аспектов ответственности за убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны. Разработка научно обоснованных подходов к квалификации данных деяний направлена на формирование справедливой и взвешенной правоприменительной практики, обеспечивающей реальную защиту прав граждан и укрепление доверия общества к институту уголовного права.

АЛГОРИТМ КВАЛИФИКАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Настоящий алгоритм разработан на основе научного анализа уголовно-правовых аспектов ответственности за убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны, и предназначен для применения органами досудебного расследования, прокуратуры и суда при оценке правомерности защитных действий и их уголовно-правовой квалификации.

Алгоритм ориентирован на преодоление обвинительного уклона, обеспечение баланса публичных и частных интересов, а также реализацию конституционного права граждан на необходимую оборону.

Нормативная основа:

1. Уголовный кодекс статьи 32, 99, 102 УК РК;
2. Нормативное постановление ВС РК от 11.05.2007 № 2 «О применении законодательства о необходимой обороне»;
3. Нормативное поставление ВС РК от 11.07.2007 № 1 « О квалификации некоторых правонарушений против жизни и здоровья человека».

1. Установление факта общественно опасного посягательства

Проверить наличие посягательства:

- реальное, а не мнимое;
- непосредственное или уже начавшееся;
- направлено на жизнь, здоровье, имущество, жилище или иные законные интересы.

Уточнить характер посягательства:

- вооружённое / невооружённое;
- групповое / одиночное;
- насильственное, угрожающее жизни, или иное опасное для здоровья.

Проверить субъекта посягательства:

- было ли посягательство совершено против обороняющегося лично или третьих лиц.

2. Установление состояния необходимой обороны

Определить цель действий обороняющегося:

- защита себя или других;
- предотвращение преступного посягательства;
- недопустимо: умышленное лишение жизни как цель.

Проверить субъективную сторону:

- осознавал ли обороняющийся характер своих действий;
- были ли действия вызваны страхом, испугом, замешательством.

Установить законность реакции:

- наличие альтернативы: бегство, обращение за помощью;
- профессиональная подготовка и служебное положение не влияют на право обороны.

3. Анализ соответствия действий обороняющегося характеру посягательства

Сопоставление опасности посягательства и применённых мер:

- соответствие силы защиты степени угрозы;
- применение оружия или чрезмерно опасных приёмов;
- количество и тяжесть причинённого вреда.

Выявление необходимости и адекватности средств защиты:

- были ли менее опасные способы защиты;
- превышение характера и интенсивности ответа.

4. Установление превышения пределов

Критерии превышения:

- явно несоразмерный вред нападающему;
- действия не требовались для предотвращения посягательства;
- осознанная или сознательная чрезмерность.

Исключения:

- сильный испуг, внезапность нападения, эмоциональное замешательство;
- защита жизни близких при экстремальной опасности.

5. Субъективная сторона

Мотивы:

- защита себя или других;
- недопустим мотив мести, расправы или умышленного убийства.

Умышленность:

- наличие прямого умысла на причинение смерти — отсутствует;
- ответственность наступает за непреднамеренное превышение обороны, повлекшее смерть.

6. Наступление последствий

Проверить фактические последствия действий:

- смерть нападавшего;
- тяжкий вред здоровью;
- иные последствия, превышающие оборонительные меры.

Квалификация:

- ст. 102 УК РК — убийство при превышении пределов необходимой обороны;
- недопустимо квалифицировать по ст. 99 УК РК (умышленное убийство);
- не применяется совокупность со ст. 32 УК РК.

7. Мотивировка решения

В решении следствия или суда необходимо указать:

- характер и степень опасности посягательства;
- какие действия лица признаны превышением;
- связь между превышением и наступлением смерти;
- мотив и цель обороны;
- основания квалификации по ст. 102 УК РК.

8. Дополнительные подэтапы анализа

Анализ альтернативных способов защиты: могли ли быть менее опасные действия.

Проверка действий посторонних: была ли возможность обратиться к органам.

Оценка ситуации в целом: время суток, место, наличие свидетелей.

Психологическая характеристика обороняющегося и нападавшего: стресс, внезапность нападения.

Сравнение силы нападения и силы обороны, причинённого вреда.

Заключение

Разработанный алгоритм квалификации убийства, совершённого при превышении пределов необходимой обороны, представляет собой практико-ориентированный методический инструмент, направленный на обеспечение единообразного и обоснованного применения положений уголовного законодательства Республики Казахстан при расследовании и судебном рассмотрении данной категории уголовных дел.

Применение алгоритма позволяет систематизировать процесс правовой оценки защитных действий обороняющегося лица, обеспечить последовательное установление всех юридически значимых обстоятельств, включая характер и опасность общественно опасного посягательства, условия возникновения права на необходимую оборону, психоэмоциональное состояние лица, а также признаки явного превышения её пределов. Это способствует минимизации формального и ретроспективного подхода к оценке действий обороняющегося и снижает риск необоснованной криминализации правомерного либо вынужденного защитного поведения.

Реализация алгоритма ориентирует правоприменителя на учёт специфики необходимой обороны как формы вынужденного насилия, источником которого является посягающее лицо, а также на соблюдение принципов справедливости, соразмерности и презумпции невиновности. Последовательное применение алгоритма обеспечивает корректное разграничение состава преступления, предусмотренного ст. 102 УК РК, и иных составов уголовных правонарушений, в первую очередь умышленного убийства, что имеет принципиальное значение для назначения справедливой уголовной ответственности.

Практическая значимость алгоритма заключается в возможности его использования в деятельности органов досудебного расследования, прокуратуры и судов в качестве вспомогательного инструмента принятия процессуальных решений. Внедрение алгоритма способствует формированию устойчивой и предсказуемой правоприменительной практики, укреплению доверия граждан к институту необходимой обороны и повышению превентивного потенциала уголовного закона.

В целом применение данного алгоритма создаёт методическую основу для более взвешенной и объективной оценки случаев причинения смерти в условиях необходимой обороны и направлено на обеспечение баланса между защитой общественных интересов и гарантией прав лиц, реализующих своё конституционное право на защиту от общественно опасных посягательств.

Примечание о внедрении

Алгоритм рекомендуется к внедрению в практическую деятельность органов досудебного расследования, прокуратуры и судов Республики Казахстан в качестве методического инструмента при квалификации ответственности за убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

«УТВЕРЖДАЮ»
Заместитель начальника
Следственного департамента
Министерства внутренних дел
Республики Казахстан
_____Калдарбеков А.О.
«____» марта 2026 года

Акт
внедрения результатов исследования
на тему: «Уголовно-правовые аспекты ответственности за убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны»
магистранта Академии правоохранительных органов при
Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
Куандык Сабыржан Утепбергенулы

Комиссия в составе:

Председателя:1) заместителя начальника Следственного департамента МВД РК Калдарбеков А.О.

и членов комиссии:

2) Старший следователь по особо важным делам Управления зонального контроля Следственного департамента МВД РК Касенов К.С.

3) Старший следователь по особо важным делам Управления зонального контроля Следственного департамента МВД РК Акшулаков Р.К.

Составил настоящий акт о том, что результаты магистерского проекта в виде алгоритма, выполненного на тему «Уголовно-правовые аспекты ответственности за убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны».

Внедрены в практическую деятельность следственного департамента МВД РК в виде аналитических и методических материалов и используются при рассмотрении уголовных дел, связанных с причинением смерти в условиях необходимой обороны.

Разработанный алгоритм направлен на повышение качества уголовно-правовой квалификации, обеспечение единообразия правоприменительной практики и снижение количества ошибок при оценке пределов необходимой обороны.

Дата внедрения: 21.03.2026 г.

Члены комиссии: Касенов К.С.
Акшулаков Р.Б.